

**ШКОЛА
РОМАНИСТА
WATIM**

ОКТЯБРЬ

Валерий Тимофеев

**Школа романиста
«WATIM». Октябрь**

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Школа романиста «WATIM». Октябрь / В. Тимофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858403-9

Эта книга — сборник произведений молодых магнитогорских авторов, занимающихся в основанной мною Школе Романиста. Я не руковожу литературным объединением с его потоком авторов разных, я занимаюсь индивидуально. Сам, пройдя нелегкий путь от новичка до признанного автора, в меру своих сил, опыта и знаний, помогаю тем, кто выбрал дорогу в литературу, написать свои первые произведения и опубликовать их. Что может быть более важным для автора, как увидеть результаты своего труда на страницах книги.

ISBN 978-5-44-858403-9

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Дарья Морэ	6
ЦВЕТОК С ГАНИМЕДА	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Школа романиста «WATIM» Октябрь

Валерий Тимофеев

Андрей Казикин

Вадим Бородин

Дарья Мордзилович

Редактор Валерий Тимофеев

Дизайнер обложки Андрей Казикин

© Валерий Тимофеев, 2017

© Андрей Казикин, 2017

© Вадим Бородин, 2017

© Дарья Мордзилович, 2017

© Андрей Казикин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8403-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дарья Морэ

ЦВЕТОК С ГАНИМЕДА

Глава 1

Марсианское виски

Дверной колокольчик вскрикнул над головой.

Тури, очнувшись, обнаружила себя на пороге третьесортного бара. Она и не заметила, как ноги сами принесли ее сюда.

«Что я здесь делаю? – запоздало шевельнулось в голове. – А если кто-то увидит меня в таком сомнительном заведении?»

Первой мыслью Тури было развернуться и поскорее уйти, пока ее не заметили. Но что там, за дверью этого бара? Разве не для того она пришла сюда, чтобы спрятаться, чтобы забыться?

«И кому я нужна?»

Сгорбленные спины за барной стойкой выказывали полнейшее равнодушие к происходящему вокруг. Никому, действительно, не было до нее дела. Тури сделала несколько неуверенных шагов вперед, прижимая к себе сумочку, затем стремительно двинулась к стойке и заняла освободившееся место. Снимая пальто с плеч, она неловко задела локтем мужчину, который лежал на стойке, уронив голову на скрещенные руки.

– Извините, – машинально сказала она, но сосед даже не пошевелился.

Тури смотрела на ряды разномастных бутылок перед собой и представляла, как сейчас закажет что-нибудь невероятно крепкое. Больше всего на свете в этот момент ей хотелось ощутить себя слабой и беззащитной, почувствовать во рту терпкую горечь, от которой внутри все вывернет наизнанку. Неважно, к чему это приведет и чего ей это будет стоить, лишь бы забыться.

– Двойное марсианское виски, – намеренно огрубив голос, заказала она.

Бармен за много лет работы научился с первого раза разгадывать клиентов. Услышав необычный заказ из уст такой милой девушки, он чуть дольше задержал взгляд на чистых манжетах ее бежевого платья, на холеных руках с ухоженными ногтями. Легкая ухмылка на мгновение скользнула по его лицу, и вот уже стакан с огненным напитком замер перед Тури.

Она хотела залпом выпить всё, чтобы хоть на мгновение забыть о событиях последних дней, и уже поднесла его к губам, – резкий запах алкоголя ударил ей в нос, и она остановилась.

«Я что, должна это выпить?» – с ужасом проснулось ее внутреннее «я». Она никогда в жизни не пробовала спиртного.

Бармен искоса глядел на Тури. Она видела его наглый взгляд и рот, растянувшийся в сладкой ухмылке.

«Звезды с тобой, будь что будет», – решила Тури и, стараясь не смотреть в его сторону, сделала свой первый в жизни глоток.

Не так просто было проглотить этот огненный шар, который прилип к языку и нёбу и выдавил из ее глаз две крупные слезы. Но эти слезы тут же окупились: по всему телу разлилось приятное тепло, и Тури вдруг почувствовала себя легкой и свободной. Горькая жидкость стала разъедать тот панцирь, который крепко держал ее вот уже столько дней.

Ей понадобилось не меньше минуты, чтобы отдышаться и сделать второй, уже не такой страшный глоток. Еще и еще.

Она вдруг заметила, что в баре довольно уютно, бармен чертовски красив, а музыка не бьет басами по ушам, а ласкает слух.

В насмешливом взгляде бармена чувствовался вызов. Ей пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы сдержать подступившую тошноту.

– Повторите! – храбро сказала она, отталкивая от себя пустой стакан.

Стакан заскользил, кружась по стойке, и тысячи огоньков заиграли на его гранях радужными искрами. И даже громкая музыка отразилась в тонком стекле.

Бармен плеснул в ее стакан новую порцию и тут же потерял к ней всякий интерес.

«Ну и пожалуйста», – без тени горечи подумала Тури и снова склонилась над стаканом.

– Тури! Что ты здесь забыла? – шепнули ей в самое ухо, и она вздрогнула.

На соседний стул упал Ренн Руа, как раз тот человек, которого она меньше всего хотела сейчас видеть. Он принес с собой холод улицы и знакомый запах сигарет. Его взгляд удивленно остановился на полупустом стакане перед ней и с беспокойством переместился на Тури.

Под этим взглядом она чувствовала себя так, будто ее застали на месте преступления. А его дурацкий вопрос лишь усилил глубину ее падения.

– Что ты тут забыла? – повторил Руа, не заметив, как помрачнела Тури.

– Тебе какое дело! – грубо ответила она, пряча стакан в ладонях.

Странно, что Руа выбрал для ночных посиделок именно этот бар. *Может, он следит за мной?*

Тури поймала себя на мысли, что совершенно не помнит, как добралась сюда.

– Это что у тебя? Марсианское виски?

Она угрюмо промолчала. Руа повернулся на стуле и махнул рукой бармену.

– Джо! Налей-ка мне то же самое! – и указал пальцем на стакан Тури.

– Одну минуточку, Ренн! – отозвался бармен, снял с полки пузатую бутылку и, широко улыбаясь, встал перед Руа. – Что-то ты сегодня припозднился.

– Да, на работе, – натянуто улыбнулся Руа. – Долгая история...

Тури показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они снова заговорили. За это время она, по примеру своего соседа слева, нависнув над стаканом, успела с головой нырнуть в меланхолию. Крепкий напиток в присутствии Руа начал терять свою чудодейственную силу. Тури больше не казалось заманчивым провести здесь всю ночь, пока красавец-бармен наконец не обратит на нее внимание и не объявит, что бар закрывается. Его красота тоже была осквернена появлением Руа: эти двое держались как старые знакомые.

«Так Ренн тут завсегда! – сообщила она. – Сколько раз он приглашал меня в бар! В эту дыру? – Тури искоса поглядела на Руа. – Интересно, что он тут обо мне рассказывал? Бармен так странно смотрит в мою сторону».

Она забыла, что тот никогда не видел ее прежде и не мог узнать в ней *ту самую девушку*, о которой ему, возможно, прожужжал уши постоянный клиент. Мысли ее обратились было к выходу из бара, когда Руа вдруг напомнил о себе.

– На тебя это не похоже, Тури. Ты ведь не ходишь в такие места, – с легкой обидой в голосе сказал он.

«А еще у меня просто нет на это времени», – досказала про себя Тури. Сейчас та жизнь, в которой она отшучивалась от его навязчивых приглашений, казалась чужой и ненастоящей. Не было ни его робких намеков, ни тоскливых взглядов, ни даже этих нелепых предлогов. А что было? Какое-то *безумие*.

«Неужели он хочет *поговорить об этом* именно сейчас? Нашел время и место!» – с досадой подумала Тури. Ей нестерпимо захотелось, чтобы Руа оставил ее в покое и как можно скорее. Она холодно огрызнулась:

– Могу я хоть раз в жизни напиться?

Руа выпрямился на стуле и уперся в нее взволнованным взглядом.

– Великие звезды, Тури, ты ли это, в самом деле? Что на тебя нашло?

Она с такой злостью сверкнула на него глазами, что он примирительно вскинул руки.

– Ладно-ладно, напиться так напиться! Давай сделаем это вместе.

Украдкой поглядывая на Тури, Руа поднял свой стакан и сделал большой глоток, даже не поморщившись. Она подперла тяжелеющую голову рукой и бездумно уставилась перед собой.

– Тебя сегодня не видели на работе, – тихо заметил он. – Прошло уже два дня, а ты все еще переживаешь?

По его знаку бармен подлил ему в стакан из бордовой бутылки. Кирпичного цвета жидкость жадно лизнула прозрачные толстые стенки.

– А ты уже обо всем успел позабыть, да? – прожгла его взглядом она.

– Тури, – взвился Руа, – я ведь тоже участвовал в *этом деле*. И я тоже к нему привязался!

– Правда? – язвительно кольнула она.

– Правда! Знаешь, он был мне как младший брат, – заверил ее Руа, но голос выдавал его с головой.

«О звезды, как он лжет... Он даже не может скрыть этого», – с неприязнью подумала Тури.

– Не нужно быть асом в психологии, чтобы услышать, как ты фальшивишь, – проговорила она, с трудом ворочая языком во рту.

– Брось, Тури, тебе незачем так убиваться. А профессор?.. Ему каково?

– Не говори мне о нем! – Тури невольно передернуло, и она бросила на Руа уничтожающий взгляд.

– Хорошо, не буду, – покорно согласился он. – Прости, я ведь не знаю, что между вами произошло.

– И хорошо, что не знаешь.

– Вы поссорились?

Она опустила голову.

– Впрочем, можешь не отвечать, это, в конце концов, не мое дело, – с подчеркнутой деликатностью добавил он.

– Мы можем просто помолчать? – стараясь говорить ровным голосом, попросила Тури.

Неуклюжие попытки Руа утешить ее опять испортили ей настроение. От обиды неприятно защипало в глазах.

Он ничего не понимает.

Пытаясь справиться с тошнотой и раздражением, Тури взяла в руки стакан, но не удержала его.

Стакан выскользнул из пальцев, ударился о стойку и, очертив на гладкой поверхности небольшой полукруг, остановился. Несколько янтарных капель упали на платье Тури. Она не вскрикнула, только уставилась на темные пятнышки невидящими глазами.

– Эй, по-моему, на сегодня с вас хватит, – с усмешкой заметил бармен, протягивая ей полотенце.

– Все в порядке, Джо, она со мной! – сказал ему Руа. Он склонился к Тури так близко, что она ощутила его горячее дыхание, и шепнул, бережно обхватив за плечи. – Пойдем, Тури, тебе надо на воздух.

Она повернулась на его голос, на мгновение задержала на его лице мутный взгляд и дала себя увести...

Стоило Тури глотнуть холодного воздуха и увидеть над собой черное полотно неба, как у нее тотчас задрожали губы, а на глазах выступили слезы. Там, в баре, она успела забыть, как похожа эта ночь на *ту самую ночь*...

Она оттолкнула Руа и побежала прочь, не замечая, как ночной холод обволакивает ее шею и грудь, мешает дышать. Тури летела по пустынной улице, как слепая, вытянув перед собой руки, и не слышала, как ночь называла ее по имени.

Воспоминания стремительно нагоняли ее: те же переулки, мимо которых они бежали *в тот самый день*, одноглазые желтые фонари... Вот-вот послышится громкий вопль, его подхватит другой, застучат каблуки... Или это всего лишь кровь, барабаниющая в ее висках?

Кажется, что сейчас она завернет за угол и увидит *его*...

– Ты помнишь, что мы сделали? – звучит его голос.

– Пожалуйста, оставь меня... – просит она. – Я ничего не сделала!

– Сделала, не сделала... Какая разница? Ты все равно теперь соучастница...

– Нет... Умоляю... Я ничего не знаю... Я ничего никому не скажу!

За спиной хрустко затрещал лед. Ее схватили за локоть и потащили назад.

– Нет! Нет! Уходи, уходи! Я ничего не скажу!

– Великие звезды, Тури, да что с тобой происходит?

Пытаясь вырваться из объятий своего ожившего ночного кошмара, она принялась царапать и толкаться. Ее рука скользнула противнику по лицу, смахнув с него нечто паукообразное, каблук раздавил невесть откуда взявшуюся ампулу. Черному человеку удалось овладеть ее запястьями и с такой силой встряхнуть, что узелок волос на ее затылке расцепился, и по спине заструились ореховые локоны.

– Тури, очнись, это я, Ренн! – закричали ей в лицо.

Ее запрокинутая голова вернулась в нужное положение, и она действительно увидела перед собой Руа. Его глаза, вблизи оказавшиеся пепельно-серыми, с тревогой смотрели на Тури. Далеко за его плечом мерцала вывеска бара.

– Ренн, – прошептала Тури, узнавая его.

– Что с тобой творится? Только что двух слов связать не могла, а теперь кричишь и брыкаешься.

Горло обжег приступ тошноты.

– Мне плохо... – успела выдавить из себя она, прежде чем ее колени подкосились и внутренности скрутило спазмом.

Тури едва успела наклониться, в следующую секунду ее вырвало на серебрищийся льдом асфальт.

– Это я и сам вижу, – пробормотал Руа, поддерживая ее за талию.

Он вытащил из кармана скомканный платок и вложил в ее слабую руку. Тури, избегая смотреть в его сторону, отвернулась и стала вытирать дрожащие губы.

– Извини, – прошептала она чуть слышно.

– Пустяки. Это марсианское виски. Меня от него в первый раз выворачивало похлеще твоего.

Руа помог ей выпрямиться и бережно накинул на ее плечи пальто.

– Пойдем, я провожу тебя.

Тури впервые не отказалась от его предложения, хотя еще час назад Руа был последним человеком, которого она хотела бы видеть рядом с собой. Сейчас, в ее теперешнем состоянии, он стал тем, в ком она так нуждалась.

Тури шла, не разбирая дороги, и если бы не Руа, который по-прежнему поддерживал ее и нашептывал что-то успокаивающее на ухо, она бы непременно заблудилась. Очнулась она только тогда, когда перед ними с шипением раздвинулись створки лифта и пропустили их в узенький светлый коридор. Руа подал ей сумочку, и ее рука после нескольких неудачных попыток все-таки вытащила ключ-карту. Тури приложила карту к замку, и вспыхнувшая в ответ зеленая лампочка подтвердила, что дверь открыта.

– Порядок, – буркнула Тури.

– Ты как? – спросил Руа, не сводя с нее глаз.

Вместо ответа она повернула к нему бледное лицо. Он понимающе кивнул и, близоруко прищурившись, окинул взглядом дверь, которая всегда была для него закрыта.

– Мне лучше пойти, – вздохнул он. – Не хотелось бы опоздать на метро.

– Ренн, постой, – слабым голосом остановила его Тури.

Он с надеждой обернулся, замерев в нескольких шагах от лифта.

– Останься, – попросила она неожиданно для них обоих.

Руа недоверчиво вскинул брови.

– Ты... ты это серьезно, Тури?

– Метро, скорее всего, уже закрыто, – соврала она. – Да и потом... далеко ты уйдешь без своих очков?

Паук, которого она смахнула с его лица, и ампула, подвернувшаяся под ее каблук в потасовке на улице, оказались несчастными очками Руа.

Тури не хотелось признаваться, что сейчас рядом с ним она чувствует себя гораздо спокойнее, нежели одна.

Толкнув дверь плечом, она посторонилась, пропуская гостя вперед. Губы Руа растянулись в улыбке, и Тури невольно насторожилась: «Не хватало только, чтобы он вздумал остаться у меня навсегда».

В гостиной она бросила на спинку дивана пальто, и Руа, с робким любопытством озирающийся по сторонам, последовал ее примеру.

– Вот как ты живешь, – сказал он.

– Извини, у меня тут небольшой беспорядок, – Тури схватила с кресла блузку, которую давно следовало отправить в корзину с грязным бельем, и спрятала ее в первый попавшийся ящик.

– Я уж думал, ты никогда меня сюда не пригласишь.

– И не пригласила бы, – улыбнувшись уголком губ, отозвалась Тури. – Если бы не метро.

– Как скажешь, – Руа явно не собирался с ней спорить и добавил: – А у тебя очень уютно.

Она заправила за ухо упавшую на глаза прядь. Его слова звучали так странно после всего, что им пришлось пережить. Как будто бы ничего и не было.

– Ты голоден? – спросила Тури не к месту. – По-моему, на кухне еще что-то осталось.

– Не нужно, я сыт...

– Сейчас принесу одеяло и подушку.

Руа, нахмурившись, наблюдал, как она суетливо стелет ему постель на диване.

– Тури, ну остановись ты хоть на минутку, – он перехватил ее за руку, и она инстинктивно дернулась назад. Глаза ее предостерегающе вспыхнули, и Руа оставил попытки прикоснуться к ней. – Не суетись... Ты ведь едва на ногах стоишь.

– Я в порядке, – почти с вызовом бросила Тури и всучила ему в руки полотенце. – Ванна – по коридору направо.

– В каком же это порядке? Тебе было плохо...

– Я в полном порядке! – дрожащим голосом повторила она.

Руа вернул ей полотенце.

– Тури, – сказал он твердо. – Я сам о себе позабочусь. Ванна – по коридору направо.

Тури смерила его долгим взглядом, прижала полотенце к груди и развернулась. В ванной она, склонившись над раковиной, пыталась сдержать накатившие слезы. «Когда же это прекратится? Еще немного, и я сойду с ума».

Из зеркала на нее смотрела некрасивая женщина с болезненно блестящими глазами и подрагивающими губами. Тури не узнала себя.

Не снимая грязного платья, она шагнула в душевую кабину и открыла кран. Душ недовольно загудел, оплевал Тури холодными брызгами, потом сжалился и накрыл ее теплым дождем. «А в Центре не так... В Центре все по-другому», – со злой тоской подумала она, покорно подставляя лицо и грудь струям воды.

Она переделалась в ночную рубашку, как в тумане добралась до кровати и нырнула под одеяло. Тело ее благодарно заныло, почувствовав себя в долгожданном комфорте. За окном заманчиво алел далекими огнями Центр. На прикроватной тумбочке прямоугольные часы отмеряли новый день.

Кровать за ее спиной немного продавилась, и чья-то рука опустилась ей на плечо. Тури вздрогнула и обернулась, с неохотой отогнав сон.

Ренн. Я совсем про него забыла.

– Тебе лучше? – спросил он шепотом.

– Лучше. Спасибо.

Он немного помолчал, взглядываясь в ее лицо.

– Ты правда хочешь, чтобы я остался?

– Правда, – шепнула она и положила руку ему на плечо.

Его лицо осветилось благодарностью и счастьем.

– Тогда я в душ.

– По коридору...

– ...направо, – с улыбкой закончил за нее Руа.

Глава 2

Тури Йонаш

Бах! Бах! Бах!

Кто-то колотил и настойчиво звонил в ее дверь.

Тури недовольно поморщилась и зарылась лицом в подушку.

Бах! Бах! Бах! – повторились удары, уже с нарастающим нетерпением.

Тури повернула голову на стук, не размыкая век, но через мгновение снова провалилась в сон.

После непродолжительной тишины из-за двери закричали:

– Тури Йонаш! Я знаю, что вы дома! Откройте! – казалось, крикнули ей в самое ухо.

– А? Что? – услышав свое имя, встрепенулась она.

За окном серели первые утренние лучи. Небоскребы Центра серебристыми иглами упирались в фиолетовую дымку неба.

– Тури Йонаш, немедленно откройте!

Тури приподнялась на локтях и сразу сморщилась, как от зубной боли. Выпитое в баре злосчастное виски немилосердно напомнило о себе. Голова опять упала на подушку.

За дверью не унимались.

Стиснув зубы, Тури протянула руку к прикроватной тумбочке и попыталась встать.

«Они перебудят всех соседей!» – пульсировала в голове мысль.

В глазах помутилось, комната завращалась, как карусель. Рука неловко соскользнула с тумбы. Тури упала коленом на пол и застонала.

– Тури Йонаш!

– Одну минуту! – сквозь проступившие слезы крикнула она. Болевая терапия пошла на пользу: боль с легкостью одолела желание вернуться в объятия Морфея.

Тури стянула со спинки стула халат, путаясь, продела руки в рукава и захромала к двери.

– Кому это не спится в такое время? – ворчала она. – И зачем так громко стучать?

Замок как назло открылся не сразу.

На пороге стоял мужчина в серой военной униформе с низко надвинутым на лицо лаковым козырьком и белой нарукавной повязкой. Узнав вышитый на повязке имперский символ – звезду в окружении восьми звезд, – Тури прикрыла дверь, оставив лишь небольшую прорезь.

Парализовавший ее страх заглушил ноющую боль в висках и заставил забыть о проклятиях, которыми она хотела встретить незваного гостя. Тури поняла: *это пришли за ней.*

– Доктор Тури Йонаш?

– Да, это я.

– Военная полиция, сержант Ка, – отчеканили по ту сторону и показали блестящее пластиковое удостоверение.

Тури даже не взглянула на него.

– Что вам нужно? – тихо спросила она.

– Мне приказано сопроводить вас в Башню.

Она похолодела.

– Н-но почему? Что случилось?

– Простите, я не располагаю подробной информацией.

– Я не одета, – попыталась защититься она.

– Десяти минут вам достаточно? – щедро предложил сержант.

– Десяти минут? – как во сне повторила Тури.

– Я подожду вас за дверью. Постарайтесь не задерживаться.

Тури закрыла дверь, подперла ее спиной и запустила пальцы в волосы.

«Ну вот и все. Они обо всем узнали. Что мне делать? О, звезды, что теперь будет со мной?»

Тури хотела заплакать, но не смогла выдавить из себя ни одной слезы. Разве она не предполагала, что все так и закончится? Разве не потому она не смогла заставить себя как ни в чем ни бывало вернуться на работу? И разве не для того она вчера решилась на столь унижительный шаг – напиться в баре до чертиков, чтобы хоть на мгновение забыть о неминуемой расплате?

Бар...

«Ренн! – вспомнила Тури и бросилась в гостиную. – Он знает, что делать!»

– Ренн, вставай, за мной пришли!

В комнате никого не было. На диване сиротливо чернел аккуратно свернутый плед.

– Ренн! – крикнула Тури и прислушалась.

Комнаты молчали.

«Неужели он ушел, пока я спала? После того, как я доверилась ему, после того, как...» – Тури закусил губу и принялась ошупывать себя, борясь с брезгливым желанием немедленно смыть с себя случайные прикосновения и даже взгляды Руа.

«Сбежал, – поняла она. – Как будто знал, что за мной придут! А, может, это он?..»

Тури бросила беспомощный взгляд на часы. Человек за дверью не станет повторять дважды. От отведенного на сборы времени оставалось не больше семи минут.

«Если ты сейчас же не приведешь себя в порядок и не выйдешь к нему, они решат, что тебе есть, чего бояться, – подсказал Тури внутренний голос. – Веди себя естественно, как будто ничего не случилось».

– Легко сказать! – пробормотала она, но сделала глубокий вздох и попыталась взять себя в руки.

Тури подошла к гардеробу, выбрала строгое темно-синее платье, в котором не раз появлялась на работе, убрала волосы в пучок и даже немного подвела губы помадой. Дрожащими от волнения руками она достала с верхней полки красивую шкатулку из красного дерева – память о матери, – открыла миниатюрный замок и переложила в сумочку перетянутую ленточкой тонкую пачку денег. Туда же отправилось и остальное содержимое шкатулки: несколько старинных фамильных украшений и отцовский портсигар. Подумав, она собрала свои документы и захватила старую семейную фотографию.

Ей еще хватило времени постоять у двери и успокоить дыхание. Минута в минуту вышла в коридор.

– Я готова, – приветливо сказала она. – Можем идти.

Тури направилась к лифту, сержант шел следом за ней. В тесной кабине она украдкой окинула своего спутника взглядом.

«Нет, Тури, даже не думай. Будет только хуже», – сказала себе она и сразу отбросила безрассудную мысль о побеге. От людей в серых шинелях никому не уйти, от них не спрятаться.

Мягкий толчок. Створки лифта распахнулись, пропуская их в холл. Тури почувствовала, как затянута в перчатку рука сержанта легла ей на локоть. «Что ж, по крайней мере, обошлись без электробраслета. Это хороший знак, – подумала она и позволила сержанту вывести себя через тесный проулок на улицу. – Может, это и не арест вовсе? Может, я нужна им как специалист?»

С неба падали редкие крупные снежинки. Дома спали, закутавшись в плотный белый туман. На противоположной стороне улицы двое полицейских соскабливали с фонарного столба желтые листовки. Услышав их шаги, оба разом обернулись и почтительно склонили головы, хотя сержант даже не взглянул в их сторону. Он подвел Тури к черному аэрокару и открыл перед ней дверцу.

– Пристегните ремни, – попросил он, опустившись на водительское кресло.

Она безропотно подчинилась.

Аэрокар оторвался от земли. Тури не удержалась и с болью оглянулась назад. Этот дом, откуда она так долго мечтала съехать, вдруг показался ей таким родным и уютным, что сердце защемило от тоски.

«Вернусь ли я сюда когда-нибудь?» – думала Тури, с проснувшейся любовью вглядываясь в глазницы окон.

Полицейские, еще сжимавшие в красных от холода руках желтые обрывки, задрали головы к небу. Их фигуры, затянутые в строгие черные пальто, и дом, где жила Тури, стали уменьшаться у нее на глазах, пока не расплылись в угрюмом городском пейзаже.

Аэрокар набрал высоту и полетел над городом. Впереди забрезжило бледное солнце. Его лучи, пробиваясь сквозь облака, разбежались по зеркальным граням небоскребов. Ночь с неохотой уходила в тень.

Тури, прижавшись к дверце аэрокара, наблюдала за просыпающимся городом. Она видела, как из самых глубин земли поднимались в воздух неповоротливые транспортные суда, перевозившие рабочих к ледяным шахтам, как понемногу оживлялись улицы.

Городские кварталы постепенно стали редеть, а вскоре и вовсе исчезли. На обледенелой земле замелькали ровные квадраты военного поселения, а впереди показалась гигантская конусовидная башня. Ее черных каменных стен не решался коснуться утренний свет, и даже снег у ее основания казался серым.

Неприятный холодок пробежал по спине Тури.

«Мне нечего бояться, – храбрилась она. – Папа всегда говорил, что я родилась под счастливой звездой. Сейчас мы это и проверим!»

Аэрокар нырнул вниз. Посадочная площадка была на среднем ярусе башни. Не успела Тури ступить на расчищенные от снега плиты, как навстречу вышла женщина в серой гимнастерке, перетянутой широким кожаным ремнем с кобурой, и в строгой военной юбке. На левой руке у нее белела такая же повязка со звездами, как и у сопровождавшего Тури сержанта. Глаза скрывала низко надвинутая фуражка.

«Еще один безликий солдат», – подумала Тури и опустила свою голову в смиренном полупоклоне.

– Доктор Йонаш? – официально проговорила она. – Я – капитан Атре Леор, следуйте за мной.

Тури ожидало путешествие по однообразным каменным коридорам с тяжелыми железными дверями. Вопреки ее представлениям, за ними не слышалось ни стонов, ни криков о помощи; но царившая здесь стерильная чистота и мертвая тишина пугали ее еще больше. Дежурившие на этажах солдаты походили на вылепленных из воска кукол: одинаково неподвижные, с отсутствующим выражением лица. «Как в склепе», – подумала Тури и заметила, что идет почти на цыпочках, как будто звук ее шагов мог разбудить погребенные здесь души.

Капитан Леор остановилась у одной из безликих дверей, подняла руку и постучалась. Дверь тут же распахнулась, и Тури вошла в небольшую комнату, все убранство которой составляли стол и стоящие друг напротив друга два стула.

– Прошу вас, – капитан Леор жестом пригласила ее присесть. – Генерал будет с минуты на минуту.

Сама она встала у стены, завела руки за спину, подняла подбородок и застыла как статуя. Потянулись минуты ожидания.

Тури вздрагивала при малейшем шорохе за дверью. Время от времени она поднимала глаза на капитана Леор в надежде прочитать на ее каменном лице, чего ей ждать и к чему готовиться. Но это лицо ничего не выражало. Солдат у двери и вовсе слился со стеной: Тури даже не была уверена, дышит ли он.

В коридоре послышались бодрые шаги, Тури сразу поняла: *это к ней*. От волнения у нее скрутило живот и вспотели ладони. Она вдруг вспомнила, что совсем не подумала о том, что должна говорить.

В комнату вошел статный мужчина в генеральской униформе. Его суровое, изрытое шрамами лицо, с седыми висками и небольшими, несколько раскосыми глазами поразило Тури. Сколько раз она видела этого человека в новостях, на плакатах, призывающих вступить в ряды Имперской Армии, на торжествах рядом с главой Великих Кланов!

«Я погибла, – успела подумать Тури. – Он не пощадит меня, не сжалится...»

Она поднялась со стула, согнулась в вежливом полупоклоне и оставалась в таком положении до тех пор, пока генерал не обратился к ней.

– Доктор Йонаш? Рад знакомству, – с легкой улыбкой сказал он и протянул ей свою широкую ладонь. Тури несмело прикоснулась к ней. – Генерал Йаре. Прошу извинить за столь бесцеремонное приглашение, но дело не требует отлагательств.

По-прежнему надеясь на то, что ее вызвали по самому невинному поводу, Тури робко предположила:

– Если это из-за моего брата...

– Это не связано с вашим братом, – остановил ее генерал и опустился на стул напротив. – Нам известно, что прямо сейчас он защищает нашу империю на Церере и проявляет себя как образцовый солдат. Вы можете им гордиться.

Тури наклонила голову в знак благодарности. Похвала из уст такого человека дорогого стоит. Но сейчас ее волновало не это.

– Если дело не в моем брате, тогда что же...

– Вы работаете с профессором Камура, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал вдруг он.

Она изо всех сил стиснула толстый ремешок своей сумочки.

– Все верно.

– Вы работаете в научно-исследовательском центре «Каннон», – продолжал генерал.

– Да, это открытая информация. Это указано в моем личном деле, – снова подтвердила Тури. – А что случилось?

По знаку генерала капитан Леор положила перед ним тонкую папку. Тури с робким любопытством чуть подалась вперед, надеясь прочесть жирную черную надпись на ней, но генеральская рука как нарочно закрыла собой большую часть букв.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов о профессоре Камура.

Тури с трудом сдержала вздох облегчения.

«Им нужен профессор, а не я», – догадалась она и почувствовала, как страх ослабил свою хватку. Спина ее наконец расслабилась, а руки опустили драгоценную сумочку на колени.

– Чем я могу вам помочь, господин генерал? – успокоившись, спросила она.

– Видите ли, доктор Йонаш, – после недолгой паузы ответил он. – У нас есть основания полагать, что профессор Камура не всегда работает в интересах нашей империи.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Тури.

– Мы думаем, что он сотрудничает с некоторыми нежелательными лицами.

– Нежелательными?

– С повстанцами, доктор Йонаш, – снисходительно улыбнувшись, пояснил он.

– Профессор? – вытаращила глаза Тури. – Этого не может быть! Да он почти не вылезает из своей лаборатории, практически живет там! Он и знать не знает, кто такие повстанцы и чем они занимаются!

– Вы думаете? – не переставая улыбаться, спросил генерал.

– Я уверена!

Его рука нырнула в папку и положила перед Тури небольшую фотографию. Та наклонилась над столом, но тут же отпрянула, едва разобрав, кто изображен на снимке.

Это был он.

Наблюдавший за ее реакцией генерал Йаре чуть двинул уголком рта.

– Вам знаком этот человек?

– Нет, – деревянным голосом ответила она.

– Полиция задержала его два дня назад. Он подозревается в преступлениях против империи.

– Но причем здесь профессор?

– Его арестовали как раз рядом с домом профессора Камура. Вы считаете, он случайно оказался так далеко от города, да еще посреди ночи?

– Может, он простой вор или грабитель, – буркнула Тури не очень уверенно. – Откуда мне знать об этом?

– Этот человек утверждает, что знаком с профессором и более того – считает себя его сыном.

Тури побледнела.

– Этого не может быть, – надломившимся голосом сказала она. – Он сам сказал вам это?

– Да! Мы всего лишь применили при допросе сыворотку правды.

– Извините, но сын профессора Камура погиб пять лет назад. И вам это должно быть известно!

Генерал молча кивнул.

– Этот человек – самозванец, – раскрасневшись, соврала она, – или сумасшедший.

– Что ж, допустим, – миролюбиво согласился генерал. – Но он называл и ваше имя, доктор Йонаш.

– Мое?

– Как вы можете это объяснить?

– Я же говорю, что не знаю его.

– Но он знает вас и рассказывает много интересного, – не отставал генерал. – Посмотрите внимательней. Может, он был вашим пациентом?

– Нет, – замотала головой Тури.

– Вы в этом абсолютно уверены?

– Господин генерал, – чуть ли не взмолилась она. – Я не знаю этого человека!

Тури чувствовала: еще немного, и она не выдержит этого пронзительного взгляда.

– Доктор Йонаш, давайте начистоту, – генерал оперся локтями на стол. – Этот человек – повстанец. Вы правы, сейчас он в весьма неуравновешенном состоянии. Но почему-то из всех имен, которые ему когда-либо приходилось слышать, он называет именно ваше.

– Я...

– Хотите знать мое мнение? Я думаю, что вы и профессор Камура помогаете повстанцам. Деньгами, информацией... А может, даже разрабатываете для них биологическое оружие.

– Господин генерал, клянусь вам, я никогда не поддерживала повстанцев! – в полном отчаянии вскричала Тури.

– У вас есть секретная лаборатория, – продолжал напирать генерал, повышая голос. – Где? В доме профессора? В центре «Каннон»? Где-то еще?

– Нет никакой лаборатории!

– А, может, устроить вам очную ставку с этим типом?

– Нет! – взвизгнула она.

– Нет? Почему нет? Он бредит вами с момента задержания. По-моему, ему есть, что вам сказать, доктор Йонаш.

– Пожалуйста, не надо!

Тури не выдержала и спрятала лицо в ладонях. Увидеть *его* вновь и посмотреть *ему* в глаза после всего, что они пережили... Одна мысль об этом привела ее в ужас.

– Я ни в чем не виновата, – как в бреду, шептала она.

Генерал откинулся на спинку стула и долго смотрел на ее вздрагивающие плечи.

– Ну хорошо, – наконец заговорил он, смягчившись. – Я вам верю.

Тури подняла на него раскрасневшиеся глаза.

– Правда? – спросила она, сглотнув слезы.

– Да, – просто ответил он. – То, что вас знает этот человек, действительно, не говорит о том, что вы его сообщница. Как и ваша вчерашняя истерика после бара, кстати.

Она открыла было рот, но выразительный взгляд генерала предупредил ее оправдания и глупые вопросы.

– Вы работаете ассистентом профессора Камура, мало ли на вашем пути людей, которые могут знать вас и при этом не иметь с вами никаких отношений.

Казалось, генерал вбивает в ее голову аргументы, которые она должна усвоить и повторять как азбуку, чтобы избежать обвинений в соучастии.

– Да-да, это так, – закивала головой Тури.

– Я не буду заставлять вас предавать профессора, это было бы с моей стороны некрасиво. Я не буду требовать от вас, чтобы вы рассказали мне о секретной лаборатории профессора, где он ставит эти свои эксперименты, – генерал вновь подтолкнул к ней фотографию. – В конце концов, это наша работа, и мы ее сделаем, – он замолчал на мгновение, потом спрятал фотографию в папку. – И все же в моей голове не укладывается мысль, что вы решились покрывать убийцу ни в чем неповинных людей, таких, как вы или я. А ведь у вас такая хорошая биография, доктор Йонаш!

– Господин генерал... Я ни в чем не виновата. Это какая-то ошибка, – предприняла последнюю попытку оправдаться Тури.

– Думаю, на сегодня можно закончить, – генерал поднялся из-за стола. – Можете быть свободны. Но если вы захотите что-то рассказать об этом деле, вы знаете, куда обратиться. Капитан Леор, – вполголоса обратился он к своей помощнице. – Проводите доктора Йонаш в седьмую комнату. Пусть она напишет объяснение.

– Слушаюсь! – в тон генералу отозвалась капитан.

– Вы отпускаете меня домой? – с волнением переспросила Тури.

– У меня больше нет к вам вопросов, – ровно ответил генерал и ушел.

– Доктор Йонаш, прошу вас пройти со мной.

Тури вытерла слезы со щек, поднялась со стула, подобрав с колен сумочку, и, как оглушенная, вышла за капитаном Леор.

Снова серые коридоры и бесконечная череда дверей. Тури больше не прислушивалась к зловещей тишине лабиринта и не всматривалась в маски солдат. Она все еще видела лицо на фотографии – больное, измученное, несчастное лицо, – и думала: «Они еще не всё знают! Генерал верит, что я не виновата, он отпустил меня! Но что будет с *ним*, когда они узнают *всю* правду?»

Они подошли к двери в конце коридора. Цифра семь. Охранявший ее солдат ожил, получив условный знак капитана Леор, склонился к замку и повернул ручку.

– Входите, доктор Йонаш, – сказала она и посторонилась.

Тури заглянула в распахнутую дверь. Это была тесная комнатка с зарешеченным окном под потолком. На стене висела полка, заменявшая кровать, напротив стояли прикрученные к полу стол и стул. В дальнем углу находились раковина и унитаз со сколотым краем.

– Что это? – Тури отпрянула назад и недоуменно уставилась на капитана Леор. – Куда вы меня привели? Я не понимаю... Генерал же отпустил меня!..

Капитан не ответила и только кивнула солдату за ее спиной. Не успела Тури опомниться, как тот бесцеремонно втокнул ее внутрь и закрыл дверь на замок.

Глава 3

П-9

Тури барабанила кулаками в дверь.

– Вы не имеете права! Вызовите генерала Йаре! Он же отпустил меня домой!

Терпение ее тюремщика истощилось. Не выдержав истеричных воплей, он ответил ей грубым ударом с другой стороны двери и закричал:

– Успокойтесь, дамочка, пока вас не отправили на нижний ярус в общую камеру ко всяким отребьям!

– Поймите, это какая-то ошибка!

– Нет никакой ошибки! – резко ответил солдат. – Вы здесь всерьез и надолго.

– Что? – Тури остолбенела.

– Сейчас вам принесут обед. Ужин в семь. В десять выключат свет. Привыкайте, – сообщил тюремщик ее новый распорядок дня.

Его грубый голос отрезвил Тури. Она отступила назад, подавила в груди судорожный всхлип и убрала с глаз горячие слезы.

«Меня не выпустят, – наконец поняла она. – Генерал не поверил мне... или я нужна ему для чего-нибудь еще? Для чего?»

Тури обошла камеру, с безгливостью заглянула в раковину и унитаз, несколько раз попыталась оторвать от пола стул, чтобы придвинуть его к окну... Расставшись с надеждой выбраться отсюда, она присела на самый край полки и в отчаянии уставилась на серые стены перед собой.

«О звезды, как я дошла до этого? Кажется, еще вчера я думала только о том, как не потерять работу и помочь папе... А теперь? Неужели это действительно я? Я, Тури Йонаш, и здесь?.. Когда все изменилось?»

Тот самый день, – день, когда все изменилось, – ничем не отличался от остальных.

Тури проснулась по первому звонку будильника и тщательно привела себя в порядок. На кухне выпекались тосты, вещал новостной канал, шумела кофемашинка. Тури завтракала, между делом заглядывая в большой блокнот с результатами ее вчерашней работы.

Сверившись с часами, она встала из-за стола, отправила в сумку шуршащий пакетик со своим обедом и направилась к двери. Перед выходом Тури бросила на себя оценивающий взгляд в зеркало – не выбился ли локон из тугого узла на затылке? Не смазалась помада? – и поспешила к лифту.

Всю дорогу в метро Тури читала объявления о продаже недвижимости. «Этот вариант нам бы подошел. Папе там понравится, – мечтала Тури, обводя карандашом очередное объявление. – В Центре, далеко от воздушной трассы, а до звезд – рукой подать! На первом этаже – рестораны и кафе, на десятом – бассейны и спа, а еще...» Цену за все это удовольствие она старательно закрывала большим пальцем.

От мечтаний Тури отвлек механический голос, объявивший ее станцию. «Когда-нибудь мечты станут явью, – мысленно пообещала себе Тури, убирая брошюру в сумочку, – и начнется совсем другая жизнь».

Научно-исследовательский центр «Каннон» контрастно выделялся на сером фоне городских построек. Это был гигантский комплекс из четырех стеклянных башен, соединявшихся мостами с центральной, пятой. К ней вели широкие белые ступени. Тури часто задержива-

лась здесь, чтобы окинуть взглядом этот величественный ансамбль, серебрищийся в солнечных лучах.

В холле Пятой башни сотрудников встречал фонтан со статуей круглолицей и тонкобровой женщины в белых одеждах. Ее позолоченную шею украшали жемчужные ожерелья. В руках она держала изящный кувшин, из которого, чаруя слух, с плеском струилась вода. Рядом с ней стояли высокие бронзовые воины. Их грубое оружие и обмундирование казались неуместными рядом с изысканностью одежд обладательницы чудесного кувшина.

– Этих уродцев поставили клановцы, – объясняли старожилы каждому новому сотруднику. – При прежней власти такого безобразия не было!

Для нового режима была важна аллегоричность скульптуры. Хрупкий мир под защитой солдата.

На краю фонтана, повернувшись спиной к статуям, сидел Руа. В одной руке он держал надкусанный шоколадный батончик, в другой – планшет, по которому рассеянно бегали его глаза. Время от времени он поднимал взгляд на снующих по холлу сотрудников, вздыхал и снова опускал голову.

Тури направлялась к лифту, когда Руа выцепил ее из толпы. Он спрятал в широком кармане халата обертку, убрал планшет и крикнул:

– Привет, Тури!

Она обернулась и подождала, пока он подойдет к ней.

– А я тебя дожидаюсь, – сказал он, улыбаясь.

– Совсем не обязательно меня здесь караулить, Ренн, – строго заметила Тури, состроив недовольную мину, но уже через мгновение улыбнулась. – Я все равно никогда не опоздаю!

– А я и не сомневался, – заявил он. – Просто хотел уточнить насчет сегодняшнего ланча.

Брови Тури досадливо сдвинулись. Взгляд ее задержался на его очках со склеенными дужками, скользнул на халат с прилипшими шоколадными крошками и карманы, набитые сладостями.

Руа поспешно отряхнулся и пригладил волосы рукой, но это не помогло. Тури приняла решение задолго до того, как прозвучал вопрос.

– Нет, Ренн, прости, – немного помедлив, ответила она. – Сегодня перекусываю на ходу. Много работы.

– Откуда? – удивился он. Улыбка быстро сошла с его губ. – Ты же только пришла!

– Ренн, ты меня знаешь, я трудоголик, – Тури хотелось поскорее переменить тему. На счастье подходящая тема была у нее прямо перед глазами. – Великие звезды, опять эти ужасные очки! Ты ждешь, что весь отдел снова скинется тебе на подарок?

Руа, задетый ее отказом, с неохотой ответил:

– Ты же знаешь, почему я их не меняю.

Но Тури нужно было развеселить Руа и сгладить неудачное начало дня.

– Да, знаю, – улыбнулась она, – но пока твои очки скорее раздражают начальство, чем приносят тебе счастье.

– Брось, Тури, когда-нибудь и мне повезет.

– Как с азартными играми? – продолжала подкалывать его она.

Руа снова помрачнел.

– Кто тебе сказал?

– Так это правда? Правда, что ты спускаешь все жалование в Зеленом квартале?

Он фыркнул.

– Ребятам из соседнего отдела нечем больше заняться, вот они и распускают про меня разные слухи. Да они просто завидуют!

– Это чему же? Твоему выигрышу? – усмехнулась она.

– Я смотрю, ты сегодня в ударе. Не завидую твоим бедолагам! Их ждет капитальная про-
чистка мозгов, – хмыкнул он.

Тури расслабилась: мир между ними был восстановлен.

Руа проводил ее до лифта, взял обещание подумать насчет ланча и отправился на второй этаж, где располагался отдел обслуживания и программирования.

От Тури его отделяло восемь этажей.

В кабинете Тури первым делом закрыла дверь на ключ и подняла жалюзи, впуская в комнату белый свет. Переодевшись в рабочий халат, она села к телефону. Нужно позвонить отцу.

Нажав кнопку вызова, Тури стала считать секунды до ответного щелчка и прокручивала в голове дежурную фразу, которую ей приходилось повторять изо дня в день. И в тот день, как и в предыдущие, одноцветный голос медсестры (настолько равнодушный, что Тури всерьез забеспокоилась, не заменили ли там живых людей на роботов) сообщил:

– Состояние вашего отца не изменилось. Если хотите поговорить с его лечащим врачом, приемные часы с десяти до двенадцати. Если надумаете написать отказ, подойдите в кабинет №3. Всего доброго.

Тури сняла палец с кнопки, откинулась в кресле и закрыла глаза.

Отец лишился рассудка после смерти матери. Страшная метель, неудачная посадка, пустынная дорога в полусотне километров от города. Прошло еще несколько часов, прежде чем небо прояснилось, и их стали искать. Все это время Йонаш пытался согреть труп своей жены и сам лишь чудом остался в живых.

Тури было пятнадцать, ее брату, Сверре, – десять.

Взгляд Тури упал на яркий уголок брошюры, выглядывавший из сумочки.

– Ничего, папа, – прошептала она и попыталась улыбнуться. – Ты поправишься и вернешься домой.

И, помолчав, еще тише добавила:

– Когда-нибудь.

Тонкий сигнал входящего вызова вырвал Тури из тяжелых воспоминаний. Она закрепила на голове гарнитуру, и в наушнике раздался голос профессора Камура:

– Хвала звездам, Тури! А я боялся, что ты уже на обходе!

Тури посмотрела на часы.

– Я как раз собиралась уходить.

– Ты можешь уделить мне минутку?

Она улыбнулась.

– Для вас у меня всегда найдется минутка и даже не одна, профессор. Чем я могу помочь?

– Не по телефону, Тури. Как освободишься, загляни ко мне в лабораторию. Это ненадолго.

Лаборатория профессора Камура находилась несколькими этажами выше. За рядами длинных столов сидели лаборанты: одни поднимали к свету пробирки и колбы самых разных форм и наполнения, другие, прищурив глаз, смотрели в микроскопы. Сверкало стекло, дышали белым паром холодильники, носились по клеткам мыши.

Тури зашла в стеклянные двери и позвала:

– Профессор Камура!

Его голова вынырнула на другом конце лаборатории.

– А, Тури, ты уже здесь! Подожди минутку, я закончу с этими образцами. Не стой, заходи в кабинет! Я сейчас.

Тури кивнула и зашла в кабинет профессора. «Раньше здесь было гораздо уютнее», – с грустью вздохнула она. Профессор хотел оставить работу после смерти сына, но так и не решился. Полупустые полки, коробки, громоздящиеся за профессорским креслом, скучный стол, заваленный бумагами... Единственным намеком на то, что здесь кто-то живет и рабо-

тает, был чайный сервиз. Его очертания угадывались под белой салфеткой на низком столике у окна.

Профессор не заставил себя долго ждать.

– Доброе утро, Тури, – поприветствовал он, присаживаясь к столу.

Его руки долго и суетливо искали какую-то бумажку.

– Прости за этот беспорядок, – виновато улыбнулся он. – Все никак не уйду в отставку.

– Профессор, – улыбнулась Тури в ответ. – Я слышу это в сотый раз. Куда вы без нас?

Вытащив из самой глубины смятый листок, профессор сделал на нем короткую запись и отложил в сторону.

– Чаю? – предложил он.

– Нет, спасибо, в другой раз.

Ей не терпелось узнать, зачем она ему понадобилась.

– Ну что ж, тогда сразу к делу, Тури, – профессор положил руки на подлокотники и сцепил пальцы между собой. – Мне нужно протестировать один препарат.

– Опять сатурнианская лихорадка? – с сочувствием спросила она.

Последние годы профессор Камура работал над вакциной против страшного вируса, поразившего имперские колонии на спутниках Сатурна, но безуспешно.

– Не совсем, – замылся он, подбирая слова. – Но если все удастся, то польза будет колоссальная.

– Что от меня требуется?

– Мне нужен один из твоих пациентов... для исследований.

Лицо Тури мгновенно стало серьезным.

– Вы хотите провести тест на живом человеке?

– Именно так. Ты не волнуйся, разрешение я получил, все необходимые бумаги подписал, – поспешил заверить ее профессор.

Тури поерзала на стуле. Когда дело касалось ее пациентов, она становилась чересчур щепетильной. Не только потому, что чувствовала большую ответственность или хотела хорошо выполнять свою работу.

В каждом из них она видела что-то от своего отца.

– Кто именно вам нужен? – спросила она. – Вы их всех знаете.

Профессор оживился и пододвинулся ближе к столу.

– Вспомни, Тури. Есть у тебя такой пациент, от которого уже отказались родственники?

Тури сжала губы, перебирая в памяти содержимое карт своих пациентов. Она знала их наизусть.

– Есть... – наморщив лоб, пробормотала она. – Да, точно! Пациент №9. Я наблюдаю его почти месяц. У него никого нет.

– Чудно! – воскликнул профессор и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. – Вот именно такой мне и нужен.

Тури встала.

– Ну тогда я могу взять ваш препарат и задание...

– Нет, Тури, – остановил ее профессор. – Мне нужен этот пациент здесь. Я проведу испытание сам.

Она вернулась на место.

– Профессор?

– Прошу тебя, не спорь. Я работал над этим много лет и хочу сам довести дело до конца, – сказал он, пряча взгляд.

– Но кто будет вам помогать? – нахмурилась Тури, чувствуя, как закипает кровь в ее жилах. – И потом, это *мой* пациент, вы не можете просто взять и отстранить меня от испытаний!

Профессор болезненно поморщился.

– Тури, пожалуйста, не усложняй. Ты отдашь его мне, я распишусь в журнале передачи. Всю ответственность я беру на себя, – медленно и твердо проговорил он. Видя, что Тури еще колеблется, профессор встал, приобнял ее за плечи и сказал, уже с прежней теплотой в голосе. – Тури, я не делаю ничего плохого. Клянусь дружбой с твоим отцом. Тебе не о чем беспокоиться.

Напоминание о былой дружбе, связывавшей его и ее отца, всегда срабатывало, как нужно, и профессор прекрасно знал об этом.

Тури, борясь с негодованием, закрыла глаза и сделала глубокий вздох. Последовавший за ним долгий выдох вернул ей утраченное спокойствие.

– Хорошо, профессор, я сделаю, как вы хотите, – официальным тоном сказала она, расправив плечи. – Хотя мне это не нравится!

– Я уверен, что когда-нибудь ты меня поймешь, – профессор одарил ее благодарной улыбкой. – Пусть твои санитары переведут его в нулевую палату, сюда, поближе к лаборатории.

– Когда начнутся испытания?

– Как только пациент прибудет.

– Профессор. Вам точно не нужна моя помощь? – снова спросила Тури, кольнув его напряженным взглядом.

– Нет, – профессор отвернулся к окну, убрав руки за спину. – И не будем больше об этом, – он шагнул к столу и вдруг улыбнулся Тури. – Есть новости от Сверре?

Следующая неделя выдалась напряженной. Место П-9 занял новый пациент, еще двух нужно было подготовить к выписке, появилось много нудной писанины. И, хотя Тури намеривалась ежедневно справляться о ходе испытаний, у нее было так много своей работы, что она ни разу не позвонила профессору и не поднялась в лабораторию. Лишь в конце недели появился просвет, и она, преодолевая пятничную усталость, решила навестить профессора.

Тури попыталась связаться с ним по телефону и договориться о встрече, но на другом конце провода никто не отвечал. Тогда она отправилась в лабораторию без приглашения.

К ее удивлению, дверь в кабинет профессора оказалась закрыта, а в нулевой палате не было никаких следов присутствия П-9.

Дурное предчувствие охватило Тури. Она вышла в коридор и быстро нашла дежурного врача.

– Что вы, милочка, этот пациент давно скончался, – ответил он. – Его кремировали три дня назад.

– То есть как – скончался? – оторопело заморгала Тури. – Мой пациент?..

– Почему ваш? – удивился в свою очередь дежурный. – В журнале указано, что это пациент профессора Камура.

– Да, верно, – спохватившись, поправилась она. – А причина смерти?..

Дежурный махнул рукой вглубь коридора.

– Шестая комната, вся документация там. Посмотрите отчет профессора.

– А сам профессор? Где он?

– Вы разве не знаете? – дежурный окинул ее подозрительным взглядом с головы до ног. – Он заболел.

– Заболел? – не поверила Тури. – Но...

– Послушайте, я вам сказал все, что знал, – перебил он, явно утомленный ее расспросами. – Свяжитесь с профессором. Я уверен, он вам все расскажет.

Тури вернулась к себе в полной растерянности.

«Почему профессор не сообщил мне о провале эксперимента? Может, он искал меня и не нашел? Я была так занята эти дни... Но эта внезапная болезнь... Что-то здесь не так».

Тури собиралась провести очередной вечер за работой. Она только что вышла из душа и, завернув влажные волосы в тюрбан из полотенца, упала на диван. На журнальном столике

перед ней благоухала чашка свежесваренного чая. Блокнот и остро заточенный карандаш лежали в боевой готовности рядом.

Работа заменяла Тури сеансы психотерапии. Болезнь отца, тревожные вести с Цереры, таинственное исчезновение профессора Камура... Погружаясь в безумные миры своих пациентов, она вдруг начинала видеть собственную жизнь в другом свете. Отцу не стало хуже. Отряд Сверре далеко от линии фронта – на другом конце планеты. А профессор... Возможно, эта неудача с новым препаратом действительно сказалась на его здоровье.

Но мысль о П-9 никак не выходила у нее из головы.

В ее блокноте не появилось ни одной новой строчки. Рука то и дело порывалась поднести к губам чашку, которая уже давно была пуста. Взгляд Тури, блуждающий по стенам в поисках озарения, постоянно спотыкался о книжный шкаф. Она всегда делала копии карт своих пациентов для работы дома. И папка П-9, вместе со всеми остальными, лежала в том самом шкафу, который теперь не давал ей покоя.

– Почему ты не оставишь меня? – не выдержав, спросила Тури у пустоты. – Никто не обещал, что испытания пройдут гладко. Все претензии – к профессору Камура.

Ей никто не ответил. Тури почувствовала себя ужасно глупо.

– Ты сведешь меня с ума, – буркнула она, бросила блокнот на стол и подошла к шкафу. – Прочь из моей головы!

Сняв с полки папку с карандашной цифрой 9 на корешке, Тури хотела было выдрать из нее листы и отправить в корзину, но остановилась.

На первой странице была небольшая фотография. Обычный снимок, который делали с каждого пациента, как только он поступал в лечебницу. Молодой человек, на которого смотрела Тури, не был похож на больного. Красивое лицо, умные глаза, тонкие губы...

Она вспомнила те два или три последних сеанса, которые успела провести с ним. С этих губ почти никогда не сходила улыбка. Добрая, открытая, но вместе с тем... безумная. Тури нетрудно было узнать ее: так улыбался ее отец, так улыбались и многие другие пациенты, лишенные рассудка. Ничего особенного.

У него не было имени. Чтобы сохранить анонимность, всем пациентам, попадавшим в «Каннон», давали кодовые номера: не от всех еще отворачивались семьи.

Но от П-9 не просто отказались. Из закрытой информации Тури знала, что он убил – и убил жестоко – своих отца и мать. Суд определил его в тюремную лечебницу, откуда через несколько лет П-9 по жребью перевели в «Каннон». Здесь лучшие специалисты планеты пытались вернуть десять душевнобольных пациентов к нормальной жизни.

– Прости, – вздохнула Тури, дойдя до последней страницы. – Я правда думала, что смогу тебе помочь... И вернуть тебе твое имя.

Сонную тишину пререзал телефонный звонок. От неожиданности вздрогнув, она выронила папку, и та рассыпалась белыми листьями по ковру.

– Кто же это? – с досадой прошептала она сквозь зубы и принялась собирать листы. Но телефон не переставал доставать ее пронзительной трелью.

Тури поспешила в соседнюю комнату, где надрывался звонок. Добравшись до телефона, она поднесла динамик к уху.

– Да, – раздраженно ответила она, даже не предполагая, кому это не спится в столь поздний час. Мысли ее все еще были с П-9.

– Тури! – позвал ее голос как будто из совсем другого мира.

Это был профессор Камура.

Глава 4

Белая Долина

– Тури! – снова позвал ее голос.

– Профессор! – очнувшись от своих размышлений, воскликнула она. – Великие звезды, куда вы пропали? Я не могла до вас дозвониться! У меня столько вопросов...

– Потом, Тури, потом, – мягко, но настойчиво оборвал он. – Ты нужна мне, Тури! Очень нужна!

– Где вы, профессор?

– Приезжай в Белую Долину.

Тури повернулась к окну. В его черном квадрате с трудом просматривались очертания соседнего дома. В углу подмигивал уличный фонарь.

– Что – прямо сейчас?

– Сейчас! – почти закричал профессор. – Дверь оставлю открытой.

И прежде чем она успела еще что-то спросить, бросил трубку.

«Что же это?» – с недоумением уставилась на телефон Тури и набрала номер профессора. Ответом, как она и предчувствовала, были долгие гудки.

Она похолодела, вспомнив о болезни профессора. «О звезды, только бы ему не стало хуже! Я должна немедленно ехать!»

Не теряя больше ни минуты, она бросилась к шкафу и схватила первую попавшуюся одежду, это были джинсы и свитер. Затем, держа в зубах заколку для волос, Тури поднялась на носки и стянула с верхней полки старый рюкзак, когда-то принадлежавший Сверре.

В рюкзак отправились все содержимое из шкафчика с медикаментами и несколько пакетов с едой, которую можно было бы разогреть на месте.

Тури заколола волнистые от влаги волосы на затылке, прыгнула в сапоги и, укутавшись в пальто, забросила на спину заметно потяжелевший рюкзак. Она уже почти добежала до лифта, когда какая-то неясная тревога заставила ее остановиться.

«Дверь! Я не слышала щелчка замка! – поняла Тури причину тревоги. – Не хватало еще, чтобы меня ограбили в этой суете! Нет уж, спасибо!»

Она вернулась и подергала ручку двери, пока не раздался такой привычный ее слуху звук сработавшего замочного механизма.

Спустившись в холл, Тури воспользовалась кнопкой вызова аэротакси и выскочила на улицу. Аэрокар обычно прибывал через три-пять минут. Значит, у нее есть время глотнуть свежего воздуха и привести мысли в порядок. Главное – профессор жив и он нашелся. Скоро она увидит его воочию, и огромная куча вопросов тут же исчезнет из ее возбужденного сознания.

Город уже давно видел десятый сон. Слепые окна и фонари смотрели на Тури безучастными взглядами. Где-то далеко мелькали огоньки пролетающих аэрокаров. В морозном воздухе блестела снежная пыль.

От дома напротив отделились две пошатывающиеся тени и сделали первые шаги в ее сторону.

– Эй, красотка, не хочешь весело провести время? – спросил хриплый голос из темноты.

«Попробовали бы вы высунуться из своей норы в Центре, мигом бы попали в руки полиции», – с неприязнью подумала Тури, отступая на всякий случай к стеклянной двери. Она собралась уже вернуться в холл, когда рядом с ней опустился аэрокар, украшенный черными белыми шашечками. Желтые лучи его горящих фар спугнули бродяг.

Облегченно выдохнув, Тури нырнула в салон такси.

– В Белую Долину, пожалуйста, – сказала она и назвала адрес.

– Далековато будет, – протянул водитель, повернувшись к ней. Взгляд его с любопытством скользнул по миловидной пассажирке.

– Пожалуйста, просто езжайте, – с легким раздражением попросила она.

– Как скажете, – водитель разочарованно пожал плечами, и через мгновение аэрокар, подняв облако снежной пыли, взмыл в воздух.

Почувствовав себя в безопасности, Тури прильнула к окну. В темноте мелькали жилые дома однотипной застройки. По мере приближения к Центру они вырастали в каменных и стеклянных голиафов. Слепота окраинных кварталов постепенно сменялась бриллиантовым сиянием небоскребов.

Их огни, казалось, тянулись из глубин земли и уходили далеко в космос, подменяя людям настоящие звезды. И чем дальше от Центра удалялся аэрокар, тем неудобнее чувствовала себя Тури: в ночном мраке окраины не было искусственных путеводных светил.

Аэрокар, как пуля пронзив сердце города, снова ворвался в ночь. Встречный ветер слизал с него брызги золотой крови. Опять замелькали надгробия домов.

Водитель наблюдал за ней через зеркало заднего вида.

– Что понесло вас в такую глушь? – спросил он, оценивая ее реакцию.

Тури не удостоила его ответом.

– Есть и другие места, чтобы развлечься!

«С чего он взял, что я ищу развлечений? – она мысленно оглядела себя. – Строгое пальто, шарф, джинсы и сапоги, – разве так наряжаются искатели приключений? За кого он меня принимает?»

– Я знаю одно такое местечко, – по-своему оценив ее молчание, осмелел водитель. – Девочки, мальчики, выпивка... Подбросить?

– Отстаньте, – с досадой процедила Тури и снова отвернулась к окну. Потом, решив, что была чересчур груба, неохотно призналась: – Моему другу нужна помощь.

Водителя, похоже, устраивал любой ответ пассажирки. Он искал только повод разбавить скучную ночь занятным разговором.

Его голова насмешливо качнулась.

– Ваш друг, наверное, сумасшедший.

– Почему вы так думаете? – спросила Тури, просверлив в его черном затылке дыру с кулак.

– Да кто же в своем уме поселится в Белой Долине? – разошелся водитель. – Дикий квартал, руины, хлам!

– Когда-то это был престижный район.

– Ну вы вспомнили! Когда-то! Уже лет десять тут не строят новых домов и даже зимой дорог не чистят.

– Но люди-то живут!

– Живут, – согласился водитель. – Еще остались такие чудаки, как ваш друг. Посмотрите! Здесь живых домов-то раз-два и обчелся! – он указал рукой вниз – там на обширном пространстве мелькали редкие огоньки. – Я бы на вашем месте был поосторожнее. Сгинуть в Белой Долине – плевое дело. Вас никто не будет искать.

Тури не ответила. Это сын профессора, Кисэки, не мог представить своей жизни без городской цивилизации. А профессор всегда любил уединение и едва ли тяготился репутацией этого местечка.

Дикий квартал – груда развалившихся, погребенных под снегом домов – обрывался заброшенной железнодорожной станцией. В отдалении показался яркий островок, дрейфующий посреди снежного океана.

– Вот он, ваш дом.

– Вы уверены?

– Других поблизости нет, – сказал водитель и направил аэрокар к земле.

Расплатившись, Тури спрыгнула на засыпанную снегом дорожку и, высоко поднимая ноги, пошла к освещенному входу.

Водитель вставил в рот сигарету и проводил ее презрительным взглядом.

– Чертовы повстанцы, – сказал он уголком рта и полетел обратно в город.

Дом профессора с трех сторон охватывал сад. С четвертой стороны большая площадка и высокое крыльцо. Тури была здесь всего один раз. Не в самом доме, а вот на этой площадке, где сейчас ее высадило такси. Года три назад они с Ренном провожали профессора. Но тогда он не пригласил их в дом, сославшись на беспорядок, а теперь вот даже дверь оставил открытой.

«Что же случилось с бедным профессором? – гадала Тури, поднимаясь по ступеням в дом. – Почему он позвонил мне только сейчас? Кто заботился о нем все это время?» Ведь это ей следовало бы ухаживать за ним, как за собственным отцом.

Профессор так много сделал для нее и для Сверре, когда они остались одни. Это благодаря ему она смогла попасть в «Каннон», а ее брата определили в гарнизон на Церере, мирной в те времена имперской колонии.

Едва Тури прикоснулась к ручке дубовой двери, как по волшебству вспыхнули заиндевшие фонари и выхватили из темноты террасу и четыре каменные колонны, поддерживающие второй этаж. От двери расходились в стороны зашторенные окна, приглушенный свет за ними обещал тепло и уют. Над широким крыльцом колыхались ленты и перешептывались подвесные колокольчики.

Тури толкнула массивную дверь плечом. Та поддалась, звеня колокольчиками, ипустила запоздавшую гостью внутрь.

– Профессор! – позвала Тури.

Никто не ответил.

Она сняла со спины рюкзак, вылезла из сапог, стряхнув на пол мокрый снег, повесила пальто на вешалку и стала озираться вокруг.

– Профессор Камура! – крикнула она громче.

В глубине дома слышались торопливые шаги, и через мгновение в холл ворвался профессор Камура.

К удивлению Тури, он совсем не походил на сраженного внезапной болезнью человека. Наоборот – профессор как будто только что вышел из своей лаборатории в «Каннон». Вместо домашнего халата, полагавшегося больному, на нем был рабочий белый. Он был оживлен, глаза его возбужденно блестели, лицо пылало.

– А-а, Тури! – раскрыл он объятия и впервые за долгое время приобнял ее. – Ну наконец-то! Как добралась? – и, не дождавшись ответа, воскликнул: – А мы уже начали волноваться!

– Мы, профессор?

– Ну да, мы, – повторил профессор, сияя улыбкой. – А, ты же ничего не знаешь! Ренн! Еще немного, и он сам отправился бы за тобой в город!

– Что? Ренн здесь?

– Здесь, здесь! – закивал головой он. – Должен же мне кто-то помогать!

– Но почему вы...

– Потом, потом! – махнул на нее профессор, поморщившись, как от головной боли. – Пойдем, ты пришла как раз вовремя!

Он положил руку ей на плечо и подтолкнул вперед, но Тури вдруг отстранилась и впиалась в него подозрительным взглядом.

– Профессор, мне сказали, что вы больны и не можете работать.

– Так и есть! – с жаром подтвердил профессор. – Для всех я болен, Тури, серьезно болен, может, даже навсегда!

– Что это значит? – не поняла она, уже с беспокойством поглядывая на него. – Профессор, вы меня пугаете!

Его отрывистая, полубезумная речь, лихорадочный блеск глаз и нервная суетливость вдруг напомнили ей симптомы сатурнианской лихорадки.

– Так надо, Тури, так надо! Ты все поймешь, как только *увидишь!*

– *Увижу что?*

– Не что, а кого!

– Кого? – совсем запуталась она.

– Ни слова больше! Ты все равно мне не поверишь. Но обещаю – ты будешь гордиться нами! И ты, Тури! Ты тоже будешь к этому причастна!

Тури вдруг почувствовала себя безмерно обманутой. Ей, как и любой женщине, не нравилось быть вне игры. Сначала профессор отстранил ее от испытаний, потом притворился больным и взял себе в помощники Ренна! Что такое он задумал, о чем нельзя было сказать ей? Ведь Тури считала, что ближе ее у него никого нет!

«Я должна во всем разобраться», – зло процедила она и позволила профессору увести себя вглубь дома.

Вместе с профессором Тури прошла через длинный коридор и очутилась в библиотеке перед стеной из книжных полок. Профессор отодвинул деревянную панель рядом с полкой и приложил большой палец к красному сенсорному глазку.

С широко открытыми глазами Тури наблюдала, как вспыхнул зеленый огонек, после чего книжные полки разъехались в стороны, и за ними открылась тяжелая стальная дверь.

– Что это? – только и смогла выдать из себя она.

– Моя лаборатория, – профессор пропустил магнитный пропуск сквозь прорезь у двери. – Входи, Тури, не стой столбом!

Она вошла в комнату и оказалась напротив мутного экрана, занимавшего треть стены. Впритык к нему расположились стол с компьютером и пара стульев. Спinoй к Тури стоял и с увлечением смотрел в планшет человек в мятом белом халате.

– Ренн Руа! Что ты тут делаешь?

Тот от неожиданности вздрогнул и едва не выронил планшет из рук.

– Тури! – воскликнул он, заключая ее в объятия.

Руа выглядел еще хуже, чем профессор. Спутанные волосы, небритые щеки, отталкивающая, почти безумная улыбка и острый запах тела. «Неужели он все это время не выходил из лаборатории? О звезды, что, в самом деле, здесь творится?» – думала Тури, не скрывая своего возмущения.

Руа наконец отпустил ее, и она смогла вздохнуть свободнее.

– Я просил профессора послать за тобой пораньше, но он хотел удостовериться, что мы его не убили, – улыбаясь, сказал он.

– Убили? Кого? – вскинула брови она. – Объясните мне толком, что здесь происходит?

– Покажи ей, Ренн, покажи! – возбужденно воскликнул профессор, в нетерпении потирая ладони.

Руа развернул недоумевающую Тури к экрану.

– Смотри, Тури! – обжег ей ухо его горячий шепот.

Через экран просматривались очертания второй комнаты, напоминавшей больничную палату. Тури смогла разглядеть кровать, массивный аппарат, мигавший огоньками, письменный стол у стены, отгороженный ширмой.

Руа щелкнул тумблером, и молочная пелена экрана рассеялась.

На кровати лежал человек в белой робе.

Это был ее П-9.

– Это... это же... – задохнулась от удивления Тури.

Профессор и Руа стояли рядом, плечо к плечу, и их лица светились от гордости.

– Но мне сказали...

– Что он мертв? – закончил за нее профессор. – Тебя не обманули.

– А кто же тогда... – Тури повела взглядом в сторону экрана.

Профессор взял ее за плечи и прошептал, глядя прямо в глаза:

– *Это мой сын.*

Сердце Тури вспыхнуло и опалило жаром грудь.

– Это шутка такая? – спросила она дрогнувшим голосом. – Он же...

– Погиб? – с каким-то диким торжеством вскричал профессор. – Его убили, Тури! И меня вместе с ним! А я это исправил!

«Нет, он определенно болен», – закралась в ее голову неприятная мысль, которую тут же задушило невольное любопытство.

– Я не понимаю, профессор... Что вы такое говорите? И причем здесь мой пациент?

– Лучше присядь, Тури, – посоветовал странно улыбнувшийся Ренн и пододвинул к ней стул.

Та не возразила.

Пальцы ее со всей силы ущипнули руку. Нет, это не сон. Она не проснулась, она все еще здесь, в странной комнате с полубезумными профессором и Руа, а за стеной лежит воскресший мертвец.

– Ты ведь знаешь, что я давно интересовался проблемой переноса сознания, – тем временем начал свой рассказ профессор. Он широкими шагами мерил комнату и ерошил волосы. – Еще с тех пор, когда преподавал в университете. Читал, писал, разговаривал с умными людьми. И вот, наконец, мне удалось разработать технологию! Однако применить ее на практике я не смог. Ты ведь помнишь, разгорелась эпидемия сатурнианской лихорадки и нас загрузили новой работой. И везде чужие глаза, чужие уши!.. Я не мог сделать ни одного самостоятельного шага. Мне пришлось отложить испытания. А потом...

– Погиб Кисэки, – догадалась Тури.

– Да... всю жизнь я спасал чужих людей, которые и знать про меня не знают, которым абсолютно наплевать на меня! – разгорячившись, продолжал профессор. – Неужели я не должен был спасти своего сына? От смерти! Как я спасаю тысячи от сатурнианской лихорадки!

– Но, профессор, откуда же вы могли знать, что Кисэки погибнет?

– А я и не знал, Тури! Но сама подумай, каковы были шансы, что он вернется живым? Это война, а Кисэки был простым солдатом, пушечным мясом! – вскидывая руки, ходил профессор по комнатке. – Когда мы узнали, куда его посылают, я несколько дней не находил себе места. А потом... Потом я решил подстраховаться.

– Каким образом?

– Мне помог Ренн, – он махнул рукой в сторону скромно потупившегося Руа. – Мы просканировали мозг Кисэки, сняли всю информацию! Ренн хранит ее здесь, у меня в лаборатории.

– Кисэки знал?

– О чем?

– Для чего вы сканируете его мозг!

– Нет! – дернул головой профессор. – Он думал, это формальность, требование медицинского корпуса. Я и сам не знал тогда, для чего это делаю, Тури! Отцовская любовь, страх потерять единственного дорогого человека на всем белом свете или что-то еще...

– И вы?..

– Да! Я использовал любую возможность, чтобы сделать очередную копию его мозга. Последний раз – за день до его отлета. Они все здесь!

Он простер руку к полке, на которой выстроились в аккуратный ряд диски, подписанные его рукой; их было не менее десяти штук.

– Профессор! Но для чего так много?

– Тогда я еще не осознавал этого, Тури, и действовал чисто интуитивно. Но когда мне сообщили... – профессор сжал губы и глубоко вздохнул. – Ведь он погиб не в бою, Тури! Не по воле звезд, а по приказу! Он мог жить, он мог вернуться! А они...

– Он был солдатом, – тихо возразила она. – Солдаты подчиняются приказам, профессор. Тот не слышал ее.

– Теперь все это неважно, Тури! Все годы после его смерти я жил только одной мечтой и, наконец, сумел воплотить ее в жизнь, – с новым пылом заговорил он. – Я могу взять любую из этих записей и перенести ее в мозг другого человека!

Она побледнела.

– Вы переселили Кисэки в тело моего пациента? – поразила ее ужасная догадка. – Так вы... Вы убили его?

– Тури, – вмешался в разговор Руа. – Ты не поняла главного!

– Чего не поняла? Вы же сами сказали...

– Ты пойми, Тури, этот пациент... – профессор остановился и сжал кулаки перед грудью, подбирая слова. – Он ведь уже давно был мертв! Его сознание... его просто нет! Но его тело – молодое, здоровое тело – оно живое! И оно еще может принести пользу! Ничтожная потеря ради великих перемен! Ради нас, ради твоего отца, ради миллионов людей по всей галактике!

Тури с ужасом смотрела на профессора, упивающегося своим гением. Только теперь она увидела оборотную сторону его открытия. Этот человек, которого она до сих пор знала как профессора Камура, не просто преступил закон. Он переступил черту, отделявшую жизнь от смерти, и посвятил в это таинство ее, Тури, и Руа, сделав их сопричастными своему преступлению.

И это преступление либо прославит, либо погубит их всех.

Первой мыслью Тури было рассказать обо всем увиденном в «Каннон», как только удастся выбраться отсюда.

«Они должны понять, что я ничего не знала, что меня обманули. Тогда, быть может, все обойдется... – она старалась не думать о наказании. – О звезды, если я не сделаю этого, то погибну! От такого позора мне никогда не отмыться!»

Но сначала нужно указать путь ослепшим.

– Профессор, это же... Это неправильно, это противозаконно! Почему вы не попросили о помощи «Каннон»? Теперь, если об этом кто-нибудь узнает, нас всех...

– Никто не узнает, Тури, – Руа упал перед ней на колени и завладел ее ладонью, – пока мы сами этого не захотим! Когда станет ясно, что машина работает, нам останется только решить, какой вид из окна предпочтительнее!

– Тури, «Каннон» никогда не возьмет на себя такую ответственность без разрешения военных, – с горечью усмехнулся в свою очередь профессор. – А я не хочу, чтобы мной командовали в деле, которое касается только меня и моего сына!

– Но теперь это не только ваше дело, профессор! А как же Ренн? А я?..

– Тури, разве важно, что будет с нами? – с некоторым раздражением ответил он. – Пойми, глупышка, когда пытаешься сделать мир лучше, то всегда приходится идти против правил!

– Только представь, какие возможности открываются перед нами! А твой пациент? – Руа кивнул в сторону экрана. – Мы подарили ему новую жизнь, шанс начать все заново! Подумай, разве лучше, если бы он так и умер в лечебнице? Разве этого ты желала бы для своего отца?

Она с тоской сжала его ладони.

– Нет, не говори, – прошептала она дрожащими губами. – Не говори о нем здесь...

Тури смотрела на Руа, но уже не видела его.

Она видела себя, отца и Сверре. Вот они осматривают новый дом; вот сидят за семейным столом; вот стоят на крыше и смотрят на звезды... Вот она обнимает его и плачет, и не может заплакать; ей все кажется, что просветление мимолетно, что он опять оставит их и уйдет в свой мир, в котором им нет места.

Но взгляд отца – осмысленный и ясный, его улыбка – такая же, как и прежде. Он больше не уйдет, он смеется, он счастлив... Они все счастливы.

Страх отступил, осталась только надежда.

Прикосновение горячих рук профессора к ее лицу вернуло Тури в настоящее.

– Ты нужна нам, Тури! Без тебя мы не справимся.

Глава 5

Кайго

Время для Тури тянулось невыносимо долго.

Сначала она тешила себя надеждой, что не пройдет и часа, как генерал узнает о самоуправстве своих подчиненных и предпримет необходимые меры. С особым наслаждением она представляла, какое наказание обрушится на капитана Леор и ее сообщников.

– Подождите, – зло обещала она, грозя кулаком двери. – Мало вам не покажется!

Раз или два Тури даже ударила дверь ногой, а один раз – кулаком, – на уровне головы капитана Леор. Но на полку она вернулась в слезах.

Не от боли.

От отчаяния.

Генерал не пришел ни через час, ни через два, ни на следующий день.

В двери открылось небольшое окошко, охранник передал Тури поднос с ужином, и амбразура закрылась. Она потянула носом воздух и скривилась от омерзения.

– Я должна это есть? – с негодованием процедила она, сдерживая тошноту. – Ну уж нет!

Держа поднос на вытянутой руке, Тури постучала костяшками пальцев в дверь. Окошко тотчас открылось.

– Что надо?

– Я это есть не буду! – сказала она брезгливо. – Заберите!

Охранник окинул ее презрительным взглядом и усмехнулся.

– Второй раз не принесу, – предупредил он, захлопывая окошко.

– Ну и не надо, – буркнула Тури.

Она принялась мерить камеру шагами. Здесь не было ничего, что не вызывало бы у нее раздражение и желание крушить. Крушить стены, крушить уродливую мебель, крушить, крушить, крушить!..

Чтобы успокоиться, Тури бубнила под нос все знакомые песни, твердила наизусть карты своих пациентов, вспоминала рекламные проспекты. Но песни обрывались на втором куплете, карты – на первой странице, а от многословных и красочных проспектов остались только название и мутная картинка. Мысли Тури сбивались, голос предательски дрожал.

– Да что же это такое! – чуть не плача, сердилась она и с еще большим остервенением принималась бубнить, твердить, вспоминать до тех пор, пока не заплетался язык и не начинали ныть виски.

Ночью Тури долго ворочалась на полке и не могла заснуть. Слезы сами катились из глаз, оставляя мокрые дорожки на щеках. «За что вы со мной так? – спрашивала она то ли у генерала, то ли у самих звезд. – Разве я убила человека? Разве ограбила? Да, я сохранила тайну профессора. Но ради кого? Ради всех людей!»

Мысли ни на минуту не утихали в ее голове. Тури вставала, на ощупь пробиралась к раковине, умывалась и снова ложилась. И так несколько раз за ночь. Тоскуя по удобной кровати и огням Центра в окне, Тури провалилась в тяжелый сон.

Однажды ее разбудило острое чувство голода. Тури попыталась вспомнить, сколько раз она уже отказывалась от еды. Пять? Семь?

Когда-то она слышала, что голод можно обмануть, напившись воды. Тури подошла к умывальнику, открыла кран и припала к нему губами. Она пила до тех пор, пока не почувствовала тяжесть в желудке. Только после этого ей снова удалось заснуть.

Еще никогда Тури не ждала завтрак с таким нетерпением. На этот раз ее не смутил ни запах, ни цвет, ни консистенция пищи. Правда, закончив с завтраком, она бросилась к раковине и долго полоскала рот.

И снова потянулось беспощадное время.

Неопределенность тяготила Тури. Она ждала, когда и как решится ее судьба, и в этом мучительном ожидании не могла найти себе места. От стены до стены, от стула до полки, от двери до высокого окна, до которого ни дотянуться, ни допрыгнуть, и опять сначала. Губы ее повторяли, как заклинание:

– Я ни в чем не виновата, не виновата, не виновата!

А глаза с ужасом обегали серые стены. «Неужели это происходит на самом деле? – хотелось взвыть ей. – Неужели я действительно здесь? Неужели я сплю на этой полке, ем с этого подноса, пью эту воду с мерзким привкусом металла? Когда же это закончится? И закончится ли?»

Тури звала, но никто не приходил.

Когда в очередной раз загромыхала заслонка и открылось окошечко, Тури с надеждой бросилась к двери.

– Мне нужно позвонить! – попросила она, заглядывая в окошко. – Я имею право на один звонок!

С той стороны ударили в дверь дубинкой, и Тури испуганно отскочила прочь. В окошко небрежно протолкнули поднос и сопроводили его грубым предупреждением.

– Почему вы так со мной обращаетесь? – закричала Тури и бросилась с кулаками на дверь. – Я тут по ошибке, понятно? Я ничего не сделала! Я требую уважительного отношения к себе!

Она принялась метаться по камере, биться в стены, пинать мебель, пока силы не оставили ее, и она не упала на полку. Ее колотило от ненависти, лихорадило от страха. Захлебываясь слезами, она в конце концов забылась бредовым сном, в котором профессор и Руа объявили ее сумасшедшей.

Голод всякий раз умирал Тури и вытеснял все другие мысли из головы. Кто-то очень тонко рассчитал размер порции или, быть может, в пищу подмешивали какой-то наркотик, но через каждый два часа ей снова хотелось есть.

Порой Тури даже казалось: появишься в ее камере мышь, она, как дикая кошка, прыгнула бы на нее и съела бы с потрохами и шерстью.

Утолив животный голод, Тури на какое-то время снова становилась человеком, способным мыслить и анализировать. Она прокручивала в голове разговор с генералом, пыталась высчитать, какой сегодня день, вспоминала своих бедных пациентов... Потом забиралась на полку, подтягивала колени к груди и смотрела в зарешеченное окно, представляя вместо безликой стены коридора пахнущее свободой звездное небо.

За дверью послышались голоса.

– Откройте дверь, – приказали охраннику.

Тури узнала голос капитана Леор. В горле заклокотало от нарастающего гнева. «Что ей нужно? Чего она пришла? Как еще можно унижить меня? Пусть только попробует, я с ней такое сделаю!» – выжигала взглядом дверь она.

Щелкнул замок.

Капитан Леор вошла в камеру и приняла военную стойку: плечи развернуты, руки за спиной, подбородок вскинута вверх.

– Приведите себя в порядок, – велела она. – Генерал Йаре будет говорить с вами.

Тури спрыгнула с полки, торопливо оправила платье и пригладила выбившиеся из пучка волосы. Обидные слова, которые она приготовила специально для капитана, вдруг вылетели у нее из головы.

Через пару минут появился сам генерал. Под мышкой у него была тонкая папка. Охранник тут же поставил к столу второй стул.

Тури поклонилась. Генерал не пошевелился.

– Сядьте, – приказал он.

Она подчинилась. Генерал сел напротив и устремил на нее жесткий взгляд. Повисло напряженное молчание.

– Господин генерал, – дрожащим от волнения голосом начала Тури. – Могу я узнать, на каком основании меня удерживают в Башне? Я сказала вам все, что знаю. Со мной обращаются как с преступницей! Не дают позвонить, кормят, прошу прощения, какой-то гадостью... Я даже не знаю, какой сегодня день!

Последние слова вырвались у нее вперемешку со слезами. Тури вдруг увидела себя со стороны. Жалкое зрелище! Как изменили ее дни, проведенные в этой клетке!

Генерал дождался, пока она подавит в груди очередной всхлип.

– Вас держат здесь на том основании, что вы нам солгали, – сказал он холодно.

– Нет, господин генерал, клянусь вам, я... – стала заверять его Тури и запнулась на полуслове.

Генерал бросил перед ней фотографию П-9.

– Доктор Йонаш. Посмотрите на эту фотографию и ответьте: П-9 – это ваш пациент? – в его голосе чувствовались угрожающие нотки. – Советую в этот раз говорить правду.

– Да, это мой пациент, но...

– А в прошлый раз вы говорили совсем другое. Почему вы передали его профессору Камура? – резко спросил генерал.

Она затравленно смотрела на него и, казалось, навсегда потеряла дар речи. Генерал не вытерпел и ударил кулаком по столу.

– Отвечайте!

– Я... он умалишенный... – прошептала Тури, дрожа как в лихорадке.

– Кто умалишенный? Профессор?

– Нет-нет! Этот человек, П-9... Он неизлечимо болен...

– Профессор готовит из таких людей террористов? Повстанцев?

– Нет!! Это его сын! – крикнула она в лицо генералу и тут же схватилась за голову.

Генерал отодвинулся от Тури и смерил ее пристальным взглядом. Потом открыл папку, извлек из нее какой-то документ и сухо зачитал:

– Кисэки Камура был казнен пять лет назад по приговору военного трибунала за дезертирство. Его выбросили в открытый космос, где его тело превратилось в кусок льда и разлетелось на мириады пылинок, – он бросил справку из архива перед Тури. – Можете ознакомиться с официальным документом. А потом, прошу вас, придумайте что-нибудь получше.

Тури молчала, закрывшись от него руками, и кусала губы в кровь. Генерал наклонил голову и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

– Доктор Йонаш? Я жду объяснений.

– Больше я вам ничего не скажу, – выдавила из себя она. – Оставьте меня!

– Как пожелаете, – усмехнулся краем губ генерал и поднялся из-за стола. – Я вас не тороплю.

Дверь с грохотом закрылась за ним. Тури даже не пошевелилась.

Через минуту солдат, охранявший заключенную, услышал ее глухие рыдания.

* * *

Тури стояла возле экрана и следила за скачками кривых линий на планшете.

Странно, что теперь, когда все наконец решилось и отступить было поздно, ее перестала волновать собственная участь. Она уже мечтала о том, как профессор Камура вылечит ее отца, как восстановится честное имя семейства Йонаш и как ей больше не придется жить с оглядкой на окружающих...

Ей не терпелось написать обо всем Сверре, хотя она и не знала наверняка, какой будет его реакция. Ей хотелось кричать всему миру о том, что появился шанс!.. Профессор прав: нужно лишь утвердить технологию, убедиться, что она работает и безопасна, и кто тогда не одобрит их благородный порыв?

Ей стоило больших трудов убедить профессора и Руа поспать хотя бы несколько часов, прежде чем очнется их подопытный... Как его теперь называть? Ни в коем случае не Кисэки! Настоящий Кисэки погиб, его тело уничтожено. И не П-9: если эксперимент профессора окажется удачным, от ее бывшего пациента останется только оболочка.

«Я буду звать его Кайго, – решила про себя Тури. – Кажется, так хотела назвать его мать? Мне рассказывал об этом кто-то... профессор или сам Кисэки».

Кисэки... Прошло пять лет с тех пор, как они видели друг друга в последний раз. Тури хорошо запомнила тот день: ласковый, теплый вечер, такой редкий для этой планеты, их руки – одна в другой, разговоры ни о чем и мечты о совместном будущем... Кто из них мог тогда подумывать, что этим мечтам не суждено будет сбыться?

И вот теперь судьба – или профессор? – дает им второй шанс. О звезды, как мечтала Тури вернуться в прошлое! Она бы остановила, удержала, уберегла, а может даже полетела бы с ним, ухаживала бы за ранеными и спасла бы Кисэки от смерти...

Но прошло пять лет. Время притупило боль, ее сменила светлая печаль. И сейчас Тури боялась признаться себе, что за последний год ни разу не вспомнила о Кисэки.

Его возвращение вызывало у нее смешанные чувства. «Что мы скажем друг другу? Как я должна себя вести? – беспокоилась она и пыталась рассуждать трезво. – В первую очередь, он участник эксперимента, и я должна относиться к нему соответствующе».

– Разве я так смогу? – с горечью спросила себя она.

Тури перевела взгляд с планшета на Кайго и вздрогнула. За своими раздумьями она не заметила, как он проснулся. Теперь их подопытный с осторожностью ворочал головой на подушке, осматриваясь вокруг.

«Нужно позвать кого-то», – подумала Тури и только собралась нажать на нужную кнопку, как рядом с ней словно из ниоткуда материализовался профессор.

Она не удивилась тому, что после ее настойчивых уговоров он остался в своем белом халате и едва ли прилег отдохнуть.

Правда, он больше не казался Тури безумцем. Жар, распиравший его изнутри, сменился деятельным спокойствием. Только в глазах еще тлело возбуждение.

– Что у нас? – спросил он, протирая очки платком и подслеповато глядя в планшет Тури.

– Показатели в норме, – доложила она. – Он только что проснулся.

Профессор, потирая руки, удовлетворенно кивнул.

– Значит, пора проведать Кисэки.

– А как же Ренн?

– Его не добудиться, – махнул рукой профессор. – Да я и не пытался. Тут повсюду камеры, так что он ничего не пропустит. Пойдем, я не могу больше ждать.

Слева от экрана была дверь, которая вела в комнату, соединявшую наблюдательный пункт и палату. Здесь находилось все необходимое для эксперимента оборудование. Внимание Тури привлекла необычная капсула, напоминавшая криогенную камеру с подсоединенным к ней компьютером.

– Мое изобретение, – с гордостью сказал профессор, проследив за ее взглядом. – Ренн тебе потом объяснит, как это работает.

Они вышли в другую дверь и оказались в палате по ту сторону экрана. Голова на подушке повернулась к ним. Глаза Кайго с любопытством оглядели Тури и профессора, губы сложились в подобие улыбки.

Тури невольно вздрогнула. Она как будто вернулась в один из своих рабочих дней и во время обхода заглянула в палату П-9. «Эта улыбка... Кому она принадлежит теперь? Она безумна или осознана?» – спросила себя Тури. Кажется, ей еще долго придется привыкать к мысли, что перед ней больше не больной человек.

Профессор подвинул к кровати стул и сел. Тури осталась стоять за его спиной.

– Здравствуй... – осторожно сказал он и добавил после неловкой паузы, – сынок!

Кайго продолжал молча улыбаться. Профессор с беспокойством оглянулся на Тури, ища ее поддержки, и решил попробовать еще раз.

– Здравствуй, Кисэки!

На этот раз бледные губы Кайго разлепились, и голос П-9 ответил.

– Здр... здра... – хватая воздух ртом, выдал он и наконец справился: – Здравствуй, отец.

Его светлый взгляд переместился на Тури.

– Здра... Здравствуй, Тури.

Профессор и Тури обменялись взволнованными взглядами. Глаза профессора блеснули за стеклами очков, руки дрожали на коленях.

– Почему у вас такие лица? – как сквозь сон спросил Кайго. С каждым новым словом он начинал говорить быстрее и правильнее. – У меня что-то на носу?

Тури спрянула рукой улыбку и сморгнула выступившие на глазах слезы. Как это похоже на Кисэки! Тот тоже не скупился на шуточки. «Великие звезды, неужели это действительно он! – не могла поверить она. – Неужели профессору удалось, и это тот же Кисэки, каким он был пять лет назад?»

Ей до боли захотелось обнять его. Но из головы упрямо не выходила неприятная мысль: руки, которые обнимут ее в ответ, не так давно были стянуты смиренной рубашкой.

Профессору было еще труднее сохранять хладнокровие. Тури могла только догадываться, сколько усилий стоило ему не поддаваться слепому чувству и помнить про свои обязанности перед наукой.

– Как ты себя чувствуешь, Кисэки? – спросил он слегка дрогнувшим голосом.

Тот закрыл веки, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Как будто проспал целую вечность, – сказал он то ли в шутку, то ли всерьез.

– Так и есть, – прошептал профессор. – Ты очень долго спал, сынок, – и спросил чуть громче: – Ты знаешь, где находишься?

Кайго снова обвел глазами палату.

– Понятия не имею... В больнице? – наугад предположил он.

Профессор кивнул и задал самый главный вопрос:

– А что последнее ты помнишь?

Кайго задумался, в его сосредоточенном взгляде и движении бровей Тури вдруг почудилось что-то знакомое, что-то от настоящего Кисэки.

– Кажется, я собирался на праздник... – морща лоб, вспомнил он. – Не могу только вспомнить, на какой...

– Праздник Солнца? – подсказала Тури.

Именно в этот день, пять лет назад, они виделись с Кисэки последний раз.

– Да, верно! – с радостью подхватил он. – Я помню, что уже почти вышел из дома, когда отец попросил меня задержаться и зайти к нему в лабораторию, чтобы... Нет, больше ничего. А к чему все эти вопросы? Со мной что-то не так?

– Это простая формальность, – успокоил его профессор, послав Тури выразительный взгляд. – Обычная процедура после выхода из губернии. У тебя была травма.

– Травма?

– Да, но теперь все позади, операция прошла успешно, – с завидной невозмутимостью подтвердил он.

Кайго опять поморщился и покачал головой.

– Странно, я ничего из этого не помню... – заволновался он. – А как меня ранили? Как я очутился здесь?

– Тебя не ранили, Кисэки, – поправил сына профессор, – ты ударился головой.

– Где?

– Не все сразу, сынок, – улыбнулся профессор.

– Но я...

– Ты потом обо всем узнаешь, – пообещал он и поднялся на ноги. – Сейчас тебе нужно отдохнуть.

Кайго действительно выглядел утомленным. Его голова утонула в подушке, веки налились сонной тяжестью, а паузы между словами опять стали длинными и напряженными.

– А скоро я смогу выйти отсюда? – успел спросить Кайго. – Мне здесь совсем не нравится.

Только теперь Тури увидела, как бесконечно уныла эта комната за экраном. Минимум мебели и никаких личных вещей. Даже окон не было, лишь ослепительный свет потолочных ламп.

– Скоро, сынок, очень скоро! – профессор добавил в капельницу лекарство. – Вот немного окрепнешь и вернешься домой. Ты помнишь свою прежнюю комнату?

– Конечно! Бежевые стены, окно с видом на сад... – с воодушевлением начал перечислять Кайго. – А еще там мой цветок!

– Цветок? – поднял брови профессор.

– Такой большой, с красными цветками и фиолетовыми листьями. Ты разве не помнишь, отец?

– Хм, должно быть, я просто устал. Нам всем нужно немного отдохнуть. Здесь тебя никто не потревожит. Если что-нибудь понадобится, просто воспользуйся этой кнопкой, – он указал на пульт на прикроватной тумбе. – Кто-нибудь из нас обязательно подойдет.

– А Тури? – остановил их слабый голос у дверей. – Тури посидит со мной? Я умираю... умираю от скуки.

Тури улыбнулась.

Они вышли из лаборатории, не сказав друг другу ни слова. Профессор повалился в первое подвернувшееся кресло, снял очки и опустил лицо на ладони.

– Как вы, профессор? – спросила Тури, дотронувшись до его плеча рукой.

Он убрал руки от лица, и она увидела, что его глаза полны слез.

– Получилось... Тури, у меня получилось, – прошептал он.

– Поздравляю с величайшим открытием, – сказала она, улыбаясь. – И со вторым рождением сына.

Профессор с благодарностью накрыл ее руку своей.

– Спасибо, Тури. Но мы не должны забывать: наша работа еще не закончена.

– Профессор, – с укоризной покачала головой она. – Если вы сейчас не отдохнете...

– Нужно понаблюдать за ним, убедиться, что перенос прошел гладко, – пробормотал он, глядя перед собой. – Я полагаюсь на тебя, Тури, – его пальцы доверительно стиснули ее ладонь. – Ты должна быть при нем неотлучно.

Она пообещала позаботиться о Кайго и даже согласилась еще раз подежурить сегодня в лаборатории, только бы профессор наконец отправился в кровать. Но сначала ей хотелось проверить свои подозрения.

– Профессор, можно мне взглянуть на комнату Кисэки?

– Конечно, – не сразу отозвался профессор, уже погружившийся в свои размышления. – Второй этаж, первая дверь налево. Чувствуй себя как дома.

Поблагодарив его за гостеприимство, Тури поднялась по лестнице и оказалась в просторном светлом коридоре, из которого в обе стороны расходились двери.

В комнате Кисэки не было ничего лишнего: кровать, письменный стол, гардероб, одна полка с личными вещами. Из окна действительно открывался прекрасный вид на сад профессора Какура: теперь, при дневном свете, Тури могла в полной мере насладиться его красотой.

На столе, залитом солнцем, лежала позабытая пять лет назад книга, явно из библиотеки отца – пухлая, старая, с полустершимися буквами на засаленной обложке.

На кровати остались складки одеяла, не расправленные рукой Кисэки, как будто он только на минуту вышел из комнаты и вот-вот вернется.

Все это, по мысли профессора, должно помочь Кисэки «вспомнить» самого себя.

Но здесь не было цветка.

Глава 6

Записи К. К.

Тури попросила меня вести регулярные записи о моем самочувствии и самоощущениях. Не знаю, что именно она имела в виду, но отец говорит, что это поможет мне поскорее вернуться в строй.

Мне от этого не намного легче, но обещания надо выполнять.

Запись 1

По настоянию отца целый день пролежал в кровати. Чуть с ума не сошел со скуки. Был в шаге от того, чтобы начать плевать в потолок – в этот чертов чистый, безукоризненный потолок, – и начал бы, но только язык меня еще плохо слушается. Как и пальцы! Эту страницу пришлось несколько раз переписывать начисто, чтобы можно было разобрать хотя бы одно слово. Никогда не думал, что после гибернации так резко портится почерк.

Спросить у отца: может ли повторная гибернация вернуть мой каллиграфический почерк? Или, по крайней мере, нельзя ли заменить дневник на бумаге дневником на планшете. Нажимать клавиши было бы легче, чем снова и снова переписывать эти каракули.

Спросить у Тури: не знает ли она, когда кончится мой постельный режим?

Запись 2

Отец доволен моим самочувствием. Теперь я могу не только лежать, но и сидеть. Чтобы мне было не так скучно, Тури принесла коробку чистой бумаги и несколько часов подряд учила меня делать оригами. Говорит, это поможет восстановить моторику пальцев. Выяснилось, что у меня нет никакого таланта к бумажным поделкам. Я изорвал целую кипу листов, но так и не сделал ничего, похожего на оригами.

Тури познакомила меня с парнем по имени Ренн Руа. Говорит, он помогал отцу вытаскивать меня с того света. Подозрительный тип. За все время, пока они были в моей комнате, не проронил и слова, только наблюдал за мной и шептал Тури: спроси его об этом, спроси его о том... Если он такой любопытный, почему бы ему не задать вопрос самому? Стоило мне указать на это, как он надулся и вышел вон. Я вовсе не хотел его обидеть, хотя... гм... почему-то совсем не уверен, что он не пытался оскорбить меня.

Тури говорит, у Руа непростой характер, и просит меня быть с ним помягче и поприветливее. Что-то мне подсказывает, что то же самое она сказала и ему. Она всегда была такой, сколько я ее помню. Избегает конфликтов.

Спросить у Тури: могла ли гибернация изменить мой голос. Стоит мне только открыть рот, как тут же возникает ощущение, что в комнате, кроме нас, есть еще кто-то третий.

Запись 3

Всю ночь возился с оригами, пока, наконец, не получилось что-то похожее на диковинного зверя. Этому шедевру предшествовали горы смятой и изорванной бумаги. Тури впечатлена моими успехами. Мы оба пришли к выводу, что со мной еще не все потеряно.

Сегодня несколько раз прошелся по комнате, правда, не без помощи отца. Думаю, я начинаю понимать, почему он настаивал на обязательном постельном режиме. Мой бок не пропустил ни одного угла в комнате, а ступни подворачивались, стоило мне сделать новый шаг. Мне кажется, что с Тури у меня получалось еще хуже. Наверное, потому, что ни одно мое неловкое движение не оставалось без ее улыбки, а мне хотелось, чтобы она не переставала улыбаться.

А еще мне хотелось поговорить с ней о нас.

Я дождался, когда Тури сядет ко мне на кровать и возьмет в руки бумагу. Как ловко и быстро управлялись ее маленькие пальчики с бумажными крыльями птицы или головой дикой кошки! Я мог наблюдать за ее работой вечно.

Правда, сама Тури как будто боится лишний раз посмотреть в мою сторону. Когда я спросил ее об этом, она вдруг побледнела и сказала, что очень устала, бросила свое оригами и под каким-то нелепым предлогом вышла из комнаты.

Напомнить отцу: в следующий раз пусть обязательно захватит с собой зеркало. Подозреваю, что Тури отпугивает не что-нибудь, а именно мое лицо.

Запись 4

Оригами получаются все лучше и лучше. Я настолько увлекся этим нехитрым занятием, что сегодня Тури пришлось сгребать настоящие бумажные зоопарки и ботанические сады со стола в мешок для мусора, чтобы я мог поесть. Когда она спросила, не жалко ли мне избавляться от них, я пообещал, что сделаю еще лучше. В этой игре меня больше всего занимает именно процесс. Я могу придать этим фигуркам любую форму, могу выбросить то, что не понравилось, и просто начать заново. Разве это не замечательно?

Кстати, мой почерк тоже заметно улучшился. Отец говорит, он уже стал таким, как и прежде, но я подозреваю, что он просто жалеет меня.

И еще один успех: не дожидаясь помощи Тури или отца, прошелся по комнате и ни разу не оступился! Теперь ничто не удержит меня в кровати!

Сегодня я наконец решился снова спросить у отца о том, как я попал сюда. Но разговор так и не состоялся: его позвала Тури, и ему пришлось уйти по какому-то срочному вопросу. К счастью, я успел взять с него торжественное обещание рассказать мне обо всем завтра.

В последнее время я вижу странные сны. Не припоминаю раньше ничего подобного. Все как-то смутно, путано... Когда-нибудь обязательно опишу их здесь.

Зап. 5

Оказывается, я участвовал в усмирении бунтовщиков на Церере! Отец говорит, что на местной фабрике рабочие устроили мятеж и собирались подорвать шахту. Многие из них входили в группу юпитерианских повстанцев.

Как именно я получил травму, командование умолчало; известно лишь, что я показал себя настоящим героем и преданным империи солдатом.

Меня это совсем не беспокоит. Гораздо важнее, не убил ли я там кого-нибудь. Отец об этом ничего не знает и не уверен, что в пылу мятежа кто-то вел подсчет убитым и раненым. Но мысль о том, что я мог убить невинного человека, не покидает меня до сих пор. Не сомневаюсь, что теми повстанцами руководил кто-то сверху... или снизу... Не знаю. Я убежден, что большинство из них не понимали, что делают, и прибились к толпе просто потому, что остальные поступили также. Отец прав, когда говорит, что все они представляли угрозу для мирного населения и для нашей империи, но... неужели мы не могли поступить по-другому?

И вот еще что: я совершенно ничего из этого не помню. Отец говорит, что память рано или поздно восстановится, но пока я даже не могу вспомнить, как оказался на Церере. Разве мой отряд не должны были послать на Энцелад?

Последнее, что отчетливо приходит мне на память, это праздник Солнца, на который я собирался пригласить Тури. Именно там я хотел сделать ей предложение...

P.S. Рассказал о своих снах отцу. Мне начинают давать еще одно лекарство.

3. 6

Великие звезды.

Нет, я не могу сейчас писать об этом. Не уверен, что вообще когда-нибудь смогу.

Запись 7

У меня было два дня, чтобы все обдумать, но это все равно не укладывается в голове. Может, если я выведу каждое слово собственной рукой, мне станет легче?

Вчера отец и Руа наконец принесли в мою комнату большое зеркало. Прежде чем вернуть его ко мне, они решили подготовить меня к тому, что я могу там увидеть. И это было правильно, потому что я оказался совершенно не готов увидеть себя... другим.

Конечно, любой человек изменился бы за эти годы и, может, даже до неузнаваемости, но очнуться совершенно в чужом теле...

Отец говорит, что когда меня вместе с остальными ранеными доставили домой, я уже умирал. Мое тело получило слишком сильные повреждения, и не было ни малейшей надежды на его восстановление. Как раз в это время отец и Руа работали над уникальным проектом по переносу сознания. Я не ученый и не знаю, что это и как им это удалось, но... Отец говорит, что есть какая-то машина, какой-то аппарат, который позволяет это сделать.

В общем так: «Каннон» требовал немедленных испытаний, и он предложил мою кандидатуру, надеясь тем самым спасти меня. Они все сильно рисковали: до этого подобные процедуры никогда не проводились, и мне очень повезло, что перенос прошел успешно.

Меня насторожило, что никто из них и словом не обмолвился о человеке, которому я обязан жизнью. Когда же я спросил о нем, отец стал убеждать меня, что эта процедура – единственное, что могло случиться в его беспутной и бесполезной жизни, и что он сам не мог бы пожелать лучшей участи для себя. Ничего большего от отца я добиться не смог.

Теперь все встало на свои места. Мой голос, почерк, это непослушное тело, тот отчужденный взгляд Тури... Вот почему меня не покидало ощущение, что я не на своем месте. Как будто меня упрятали в громоздкий скафандр, и я должен приучить себя к мысли, что он – часть меня, если хочу выжить.

Чье тело я ношу? Знал ли он, соглашаясь участвовать в эксперименте, что его тело продолжит жить, но его самого в нем уже не будет? Почему он согласился на это? Что случилось в его жизни, что пошло не так? Что он чувствовал в тот момент, когда началась процедура?

Отец говорит, что лучше мне не знать о том, кто был владельцем этого тела до меня. Он именно так и сказал: *владельцем*. Быть может, в недалеком будущем это станет обычной практикой, но даже тогда я не смогу принять это.

Как можно спокойно жить, зная, что этой жизнью я обязан чей-то смерти? Я вижу ее во всем. В глазах, которыми *он* смотрел на мир, в ушных раковинах, которыми *он* слушал музыку, в губах, которыми *он* пел песни и, возможно, целовал кого-то... Это смерть спаяла нас вместе: душу, оставшуюся без тела, и тело, оставшееся без души.

Неужели это был единственный выход для нас обоих?

Запись 8

Не смог заставить себя встать с кровати.

Точнее, не смог даже пошевелить пальцем. Кажется, что теперь, когда я знаю правду, тело отказывается мне подчиняться.

Я не уверен, что имею право распоряжаться им.

Несколько дней назад я сильно ушиб колено, и сейчас синяк, – это большое лиловое пятно под кожей, – не дает мне покоя. Тот человек, которому я обязан жизнью, едва ли простил бы мне такую небрежность в обращении с его телом.

Тури говорит, я должен понять: *это не аренда* чужого тела. Если я хочу жить и наслаждаться жизнью, мне придется принять случившееся, хотя бы в память о *нем*. Если я так и останусь здесь, если так и буду пялиться в потолок, то смерть его окажется напрасной и, быть может, стоило дать шанс кому-то другому.

Ее слова немного ободрили меня. Вместе с ней мы сделали несколько кругов по моей комнате, от стола к двери и обратно. Я показал Тури свои последние оригами, и она пообещала рассказать о моих успехах отцу.

«Но мы должны твердо знать, что, выйдя за пределы этой комнаты, ты будешь жить, Кисэки. Я не готова снова тебя потерять».

Я спросил, разве может она любить меня таким? Я знаю, что Тури не из тех, кто любит за смазливую мордашку, но глупо было бы отрицать, что любовь к человеку не складывается из тех внешних черт, по которым мы узнаем возлюбленных из толпы других людей. Улыбка, особенный цвет глаз, смех, маленькие или наоборот большие ладони... Даже запах тела. Во мне же нет ничего от прежнего Кисэки. Разве может она полюбить совершенно незнакомого человека?

Тури не ответила, только взяла меня за руку и закрыла глаза. Наверное, она пыталась представить себе настоящего Кисэки. Кажется, отец относится к этому гораздо проще. По крайней мере, он не сторонится меня и смотрит так же, как раньше... Говорит, что я для него заново родился.

Но я – это я. Не старший, не младший... Я – Кисэки, и второго такого быть не может. Так же, как и второго *владельца этого тела.*

Тогда что же я такое?

Запись 9

Этой ночью мне приснился странный сон. Будто я заключен в темнице без окон и дверей, и рядом со мной нет ни одной живой души. Я слышу шаги и голоса других людей, но они там, по ту сторону стены. Я стучу ногами и кулаками, рву глотку, пытаюсь до них докричаться, но тщетно. Они даже не знают, что я здесь.

Запись 10

Сегодня мой первый день на воле. Я снова дома! Уже и забыл, как прекрасно видеть солнце – пусть такое далекое, но настоящее! – над головой, как легко и свежо дышится на холоде, как приятно покалывает пальцы иней, когда дотрагиваешься до обледенелых веток... Я бегал, носился и прыгал по саду, как мальчишка, до тех пор, пока не заныл бок и не заиндевели волосы. Только сейчас понимаю: это был я, это я чувствовал, это я задышался от счастья... *Я, а не он!*

И я заглянул в каждую комнату в доме. Я взлетел вверх по лестнице, а спустился по перилам. Я кружил Тури до тех пор, пока она не пригрозила вернуть меня в палату. Я объелся сладостей, я пролил на себя воду, я хлопнул угрюмого Руа по плечу, это все я...

Значит ли это, что отец был прав? Что мы все лишь временные владельцы этих телесных оболочек, которые рано или поздно займет смерть или – в скором будущем – другой человек? Или я просто поверил, что так и должно быть и то, что мы делаем, правильно?

Спросить у отца: пойму ли я, если сделаю то, чего не мог бы сделать Кисэки (то есть я), но что было бы вполне естественно для *него*? Иными словами, какова вероятность того, что я – это действительно я, а не случайный продукт его эксперимента?

Спросить у Тури: не погиб ли мой цветок за время моего отсутствия. Подозреваю, что отец просто боится признаться в этом и делает вид, будто его никогда не было.

P.S. Случайно стал свидетелем разговора между отцом и Руа.

Я слышал лишь отрывок и едва ли можно говорить о том, что я бесцеремонно подслушивал... Они говорили шепотом, у лестницы, по которой я как раз в тот момент спускался. Все, что мне удалось разобрать, это слова отца: «Еще слишком рано». Едва увидев меня наверху, они тут же разошлись по разным комнатам, как ни в чем ни бывало.

Что бы это могло значить? Возможно, это не мое дело, но почему меня не покидает ощущение, что они говорили обо мне?

Глава 7

Разлад на корабле

Оставшись наедине, Тури еще долго не могла прийти в себя. Фотография П-9, казалось, навсегда запечатлелась на сетчатке ее глаз.

«Они узнали, что он был моим пациентом. Вероятно, добрались до карточки учета больных... Что еще им известно? – изводила ее страшная мысль. – И что будет со мной, когда они узнают *все?*»

Она и сама не могла бы объяснить, что имеет в виду под словом «все», но вкладывала в его смысл самую глубокую пропасть для себя.

Тури уже не подозревала, она точно знала, что приказ о ее заключении шел от самого генерала. А если так, то шансов выбраться у нее практически нет: либо они добьются от нее полного признания и сгноят за это в тюрьме, либо она так и будет молчать и все равно проведет остаток жизни здесь. Надежда у Тури была только на профессора Камура.

– Когда он обо всем узнает, он вытащит меня отсюда, – успокаивала себя она.

Вот только кто расскажет ему?

Генерал Йаре вернулся на следующий день. Тури, всю ночь не сомкнувшая глаз, с трудом нашла в себе силы поприветствовать его поклоном.

– Вы готовы продолжить разговор? – с подчеркнутой вежливостью поинтересовался он, когда они сели за стол. Заметив, как побледнело ее лицо, генерал поспешил заверить: – Не беспокойтесь, сегодня обойдемся без фотографий.

Тури подняла взгляд и попыталась понять: он шутит или издевается? Но сегодняшний генерал отличался от вчерашнего. Глаза его смотрели с благосклонностью, на губах лежала улыбка.

Капитан Леор передала ему папку. Тури достаточно было одного взгляда, чтобы узнать ее. Это была папка из книжного шкафа у нее дома. «Но как?» – чуть не сорвалось с языка Тури, но она благообразно промолчала.

Когда имеешь дело с военной полицией, не стоит ничему удивляться.

– Опасно хранить такие документы у себя дома, доктор Йонаш, – в ответ на ее испуганный взгляд сказал генерал. – Но я рад, что вы нарушили инструкции. Иначе как бы мы узнали правду? – с открытой усмешкой добавил он.

Тури стиснула зубы и попыталась напустить на себя равнодушный вид.

– Представьте себе, как много интересного мы узнали про вашего П-9. Тяжелое детство, двойное убийство, тюремная лечебница... Его отец тоже не производит впечатления уравновешенного человека, если верить полицейскому протоколу. Как вы думаете, болезнь П-9 перешла к нему по наследству? – переворачивая листы в папке, спросил генерал.

Тури не выдержала его насмешливого взгляда и отвела глаза в сторону.

– Но самое интересное, – продолжал он, чуть повысив голос, – П-9 – единственный из ваших пациентов, у которого нет в живых никого из родственников. Полагаю, профессор выбрал его именно поэтому? Он думал, что его никто не будет искать?

Не дождавшись ее ответа, генерал сделал знак капитану Леор, и перед ним появилась вторая папка.

– А вот в карте вашего пациента, которую мы получили из архива «Каннон», – он постукал пальцем по папке, – есть весьма любопытная запись. В ней указано, что П-9 скончался в результате неудачных испытаний нового препарата и был кремирован.

Генерал сделал паузу. Тури молчала, уставившись в пространство между столом и полкой.

– Так как же вы объясните тот факт, что ваш П-9 находится сейчас у нас, живой и *почти* невредимый?

– Мне откуда знать? – огрызнулась она. – Профессор Камура отстранил меня от испытаний.

– Почему?

– Я не знаю! Спросите у него! Он мне ничего не объяснил. Просто отстранил и все!

– Хорошо, но чудесное воскрешение вашего пациента вас лично не удивляет? – прищурился генерал.

Тури опять не ответила. Наученная горьким опытом, она теперь взвешивала каждое свое слово или предпочитала вовсе промолчать.

– Так, может, в этом и состоит открытие профессора? – подсказал генерал. – Он научился возвращать мертвых к жизни?

Молчание.

– Нет? Тогда, может, он контролирует мозги своих пациентов? – почти играючи выдавал версию за версию генерал. – Или перепрограммирует их? Ведь ваш П-9 был полностью невменяемым, а человек, который сидит у нас, выглядит вполне разумным и психически здоровым.

– Как? – невольно вырвалось у Тури. – Он в здравом уме и твердой памяти?

– Конечно, – широко улыбнулся генерал. – А вы надеялись, что он и двух слов связать не сможет?

Упрямое молчание.

Генерал сжал губы в тонкую линию и с шумом выдохнул воздух через нос.

– Похоже, разговор у нас не клеится. Я напугал вас в последний раз, не так ли? – посоветовал он. – Уж простите, работа у меня такая. Вы же врач, вы должны меня понять. Иногда приходится делать человеку очень больно, чтобы потом ему стало хорошо. А все-таки, вы подумайте. Мы не злодеи. Я могу сделать ваше пребывание здесь... более комфортным. Но для этого вы должны сотрудничать с нами.

Ресницы Тури дрогнули, но обет молчания не был нарушен.

Взгляд генерала снова стал колючим.

– Не испытывайте мое терпение. Это может дорого вам обойтись, – сказал он и вышел вон.

* * *

– Кисэки? Ты готов?

Изящные бумажные фигурки на столе слепили глаза от солнечного света. Некоторые из них подхватывал внезапный порыв ветра и уносил в голубой квадрат неба.

«Опять бедняге дворецкому придется собирать оригами по всему саду», – вздохнула Тури.

Старик Ло Мью, слуга профессора, благодаря которому его дом еще не превратился в помойку, недавно вернулся к своим обязанностям. Профессор увольнял его трижды в год и ровно столько же раз уговаривал опять вернуться на работу. Преимуществом дворецкого, сторожа, дворника, эконома, садовника и кухарки в одном лице было то, что он никогда не обижался, был лишен амбиций и совершенно не интересовался делами своего хозяина. Наверное, поэтому он и работал у профессора еще с тех времен, когда тот только начинал свою научную деятельность и был женат всего лишь полгода. Профессор же после смерти Кисэки утратил интерес даже к своему саду, в котором росли самые экзотические растения. При таком дворецком вся ученая команда могла спокойно продолжать свою работу; тем более что присутствие Ло Мью ощущалось только тогда, когда они вспоминали о завтраке и находили накрытый стол на кухне.

Кайго сидел на кровати, уткнувшись в голубой экран планшета.

– Кисэки, мы же договорились... Кисэки, ау! Что там у тебя?

Не дождавшись ответа, Тури заглянула ему через плечо.

Его палец листал новостную ленту.

– О звезды, сколько же всего я пропустил... Нет, правда, Тури, как долго я был в отключке? Или Церера все это время была в изоляции? – пожаловался Кайго, с досадой морща лоб. – Почему я ничего из этого не помню?

– Это не удивительно, Кисэки, после того, что ты пережил...

– Куда катится мир! – продолжал он в том же тоне. – За целых пять лет ни одной новой книги. А ведь ты когда-то писала, Тури, и совсем недурно! Почему же ты бросила?

Некрасивый румянец залил ее лицо. Тури опустила голову.

– Ну что ты, это было так давно... Так, баловство...

– Баловство?! Да у тебя же были такие грандиозные планы!

– Все прошло, переболела... – грустно ответила она и, чтобы переменить тему, спросила: – А хочешь, я принесу тебе свои книги? У меня есть «Новейшая история Империи кланов» и «На пороге мира».

Кайго брезгливо поморщился. Как это похоже на Кисэки! У него была просто патологическая неприязнь к клановцам, которую он вынес еще со школьной скамьи. Профессор часто рассказывал, как ему приходилось вытаскивать сына из сомнительных кружков книголюбов или музыкантов, которые собирались на окраине города в заброшенных домах. Там юные дарования сочиняли истории и писали музыку о воображаемых мирах, наивно считая их лучше настоящего. Если бы не профессор, судьба Кисэки могла быть не лучше, чем у П-9: Тури знала, что некоторых из его друзей отправили в лечебницы, где под действием психотропных препаратов они быстро превращались в настоящих сумасшедших.

Кайго с тоской повернулся к окну.

– Даже не представляю, чем бы я мог здесь заняться.

В прогретом солнцем воздухе кружились золотые пылинки. Сад скрипел старыми ветками и звенел молочной листвой. Тури вдруг представила дом профессора кораблем, качающимся на тихих волнах. И не видно конца этому долгому путешествию... «Великие звезды, и правда, когда я последний раз писала Сверре или звонила папе?» – испугалась она. А, может, дело просто в том, что она впервые ушла в отпуск и ей не нужно думать о работе?

На их уютном корабле начались первые разлады.

Тури не могла не заметить, как изменились отношения профессора и Руа после появления Кисэки. Руа проявлял интерес к Кайго лишь в первое время, пока тот находился в палате; но и тогда предпочитал наблюдать за ним через экран.

Раз или два он заикался о необходимости протестировать аппарат еще как минимум на двух подопытных и даже подбирал людей, но всякий раз получал довольно жесткий отказ профессора. Руа сердился, кусал губы, снимал и снова надевал очки и уходил ни с чем. Все реже и реже он появлялся за одним столом с Тури и семейством Камура, и все больше времени проводил в лаборатории. Профессор же, напротив, практически не заглядывал в эту часть дома после того, как Кайго поселился в комнате Кисэки. А вскоре он и вовсе потерял интерес к лаборатории и закрыл ее на ключ.

– Профессор, как это понимать? Почему я не могу попасть в лабораторию? – ворвался в гостиную Руа, когда тот делал записи в дневнике и расспрашивал Тури о самочувствии Кайго.

Профессор отложил ручку и выпрямился в кресле.

– Мы должны сделать все, чтобы уберечь Кисэки. А он и так уже задает слишком много вопросов о лаборатории.

– Звезды с ним, пусть задает! – вскричал Руа, сердясь. – Но вы не дайте мне работать!

Профессор побледнел и поджал губы.

– Ты свою работу закончил, Ренн. Позволь мне напомнить: твоя работа – выполнять мои указания. Я тебе уже говорил: не к чему спешить.

– Спешить? Что? Вы опять за свое??

Руа схватился было за голову, но только с досадой махнул рукой и убежал в свою комнату наверх. Тури проводила его озабоченным взглядом, а профессор, как ни в чем не бывало, вернулся к своему дневнику.

«Что между ними происходит? Они опять что-то скрывают от меня», – вспыхнула она и с беспокойством посмотрела на профессора.

– Не обращай внимания, Тури, это обычные ученые споры, – успокоил он. – У нас с Ренном разные приоритеты. Такое и раньше случалось... Но в последнее время, честно говоря, он стал просто невыносим.

Последнюю фразу он произнес почти не размыкая губ.

На следующий день Тури и Кайго отправились на прогулку по Белой Долине.

Профессор все еще не решался отпускать их в город, несмотря на оптимистичные доклады своей помощницы. Лишь после того, как Кайго в шутку погрозился сбежать из дома, пошел на уступки. Сначала он сам охотно выходил с молодежью на прогулки: шел непременно первым и нес большую корзинку с готовой едой, полный энтузиазма устроить пикник на ледяном склоне Белого холма. Вскоре от долгих прогулок и пикников ему пришлось отказаться: и годы, и здоровье были уже не те. Он вверил Кайго заботам Тури и стал посвящать эти часы работе в кабинете.

Кайго ничуть не расстроился: ему начинала надоедать чрезмерная опека со стороны профессора и хотелось больше времени проводить наедине с Тури. Задолго до того, как их предоставили самим себе, он часто приглашал ее совершить очередную внеплановую вылазку из дома. Мимо кабинета профессора они проходили на цыпочках, а, едва оказавшись за порогом, неслись во весь опор вниз с холма.

Тури давно так не веселилась, как в те дни.

Руа в этих прогулках не участвовал, он вообще так редко покидал свою комнату, что все просто забывали о его существовании. Иногда, возвращаясь с прогулки, Тури замечала золотые стеклышки его очков в окне, но стоило ей помахать рукой или окликнуть его по имени, как он тут же прятался за штору. Именно поэтому она удивилась, встретив его на садовой дорожке на следующий день после ссоры с профессором.

Холодное солнце растворялось в мутных облаках, как одинокий глаз, размываемый слезой. Как только Тури увидела Руа, она поняла: что-то случилось.

Руа, небрежно одетый, с голой шеей, стоял посреди сада и держал двумя пальцами огрызок сигареты. Заметив Тури и Кайго, он сделал последнюю короткую затяжку, отбросил окурочек в сторону, встряхнулся и постарался им улыбнуться. Но вместо улыбки получилась какая-то кислая ухмылка.

– Тури, можно с тобой поговорить? – спросил он.

– Ну конечно! – воскликнула Тури, приветливо улыбаясь. – Мы как раз собирались пройтись по Белой Долине. Не составишь нам компанию?

Кайго за ее спиной нахмурился. Губы Руа вновь поддернула невеселая улыбка.

– Нет, Тури, ты не поняла. Я хочу поговорить с тобой... наедине.

– Ну хорошо, – согласилась она и повернулась к Кайго. – Кисэки, может, поищешь нам место для пикника?

– Я без тебя никуда не пойду, – заупрямился тот, насупившись.

– Ну тогда, может быть, принесешь мне перчатки? – попробовала еще раз Тури. – Кажется, я оставила их в своей комнате.

Кайго тут же помрачнел и поник. Он прекрасно понял, для чего на самом деле Тури отсылает его прочь.

– Пожалуйста! – с нежной улыбкой добавила она.

Ее ласковому голосу трудно было противостоять. Еще немного потоптавшись на месте, он вздохнул и повернул к дому. Руа добился своего, они остались одни.

Но он все никак не решался начать.

– Ну, о чем ты хотел поговорить? – пришла к нему на помощь Тури.

– Я ухожу.

– Куда? – улыбнулась она.

– Нет, ты опять не поняла, – с досадой поморщился Руа. – Я ухожу от профессора. Насо-
всем.

Улыбка медленно сползла с ее губ.

– Что случилось? – тихо спросила она.

– Мы с ним повздорили, – ответил Руа.

– Вы и раньше ссорились, – заметила Тури. – Подожди, не руби с плеча...

– Нет, Тури, я не могу больше ждать, я не могу это терпеть!

– А как же аппарат, который вы изобрели? Разве вы не будете продолжать работу над ним?

Он вздохнул и с болью посмотрел куда-то выше головы Тури.

– Кажется, профессору сейчас не до того. Ты же слышала, что он тогда сказал? Он и слышать ничего не хочет о том, чтобы объявлять о проекте.

– Почему? Чего он боится?

– Не знаю... Мы тут уже несколько недель торчим без дела, Тури. Эксперимент удался, Кисэки вернулся, ты и сама это видишь... – тут он замолчал, и она увидела, как задвигались желваки на его щеках. – Порой мне кажется, что ради *него* только все это и затевалось. Всякий раз, как я заводил разговор о нашем изобретении, профессор... В общем, он дал мне понять, что пока не намерен заниматься всей этой «суестью» и хотел бы все свободное время посвятить сыну.

– Почему бы ему просто не передать дела тебе? – предложила Тури, пожимая плечами. – Ведь он ничего не потеряет.

– Вот и я ему так же сказал. Но старик явно сошел с ума, сидя в своей крепости! – он с досадой махнул рукой на дом и повернулся к нему спиной. – Он думает, что я хочу нажиться на его драгоценном Кисэки и потому тороплю его. Видите ли, я не могу оценить важность этого момента! Этот момент был и прошел, все счастливы, но мы не можем и *не должны* стоять на месте, разве не так, Тури? Наш проект может спасти еще сотни людей.

Сердце Тури подступило к горлу при мысли об отце.

– Я могла бы поговорить с ним.

– Не надо, он непременно решит, что это я тебя подослал. И потом, не обижайся, но ведь ты ему нужна только как сиделка для Кисэки. Ну знаешь, вдруг у него опять поедет крыша.

Тури не понравился едкий тон, на который вдруг перешел Руа. Казалось, он намеренно желал оскорбить Кисэки, ту память о нем, которой она так дорожила, унижить его в ее глазах. Иной раз в разговоре с ней он с пренебрежением говорил о Кисэки как о ее пациенте, нарочно путая его с П-9. Тури догадывалась, чем можно было бы объяснить его неприязнь ко всему, что связано с младшим Камура, но упрямо не хотела видеть себя причиной их раздора.

– Не говори так, Ренн! Ты прекрасно знаешь, что Кисэки никогда не был...

– Да-да, но ведь от этого никто не застрахован? – с подчеркнутой непринужденностью перебил ее Руа. – Может быть, он *уже* потихоньку сходит с ума, пока ищет твои перчатки.

Он уронил взгляд на застенчиво выглядывавшие из кармана ее пальто кашемировые пальчики.

За спиной Тури слышались торопливые шаги.

– Слушай, давай поступим так, – Руа достал из кармана листок, свернутый в несколько раз, и вложил его в ладонь Тури. – Я знаю, что делать, но мне нужна твоя помощь. Позвони, когда будешь готова. Профессор говорит, что нужно подождать, но лучше я буду ждать подальше от этого дурдома!

С этими словами Руа на мгновение сжал безропотную руку Тури в своей горячей ладони и быстро ретировался. Оглядываясь назад, он находил ее растерянный взгляд и улыбался, как будто бы довольный тем, что она его провожает...

Кайго поравнялся с Тури.

– Я не смог найти твои перчатки. Должно быть, плохо искал.

С его места трудно было не увидеть в ее кармане липовую пропажу.

– Что такого он тебе сказал?

Тури завела руку с листком за спину.

– Ничего. Так, хотел попрощаться, – просто ответила она, передала ему корзинку и первая зашагала вниз с холма.

Весь день разговор с Кайго не клеился. Вопреки обычаю, они в полном молчании разбили пикник на склоне с живописным видом на белые горы, без аппетита проглотили холодные бутерброды и рано стали собираться в обратный путь. Тури все думала над словами Руа и не разделяла тоскливых взглядов Кайго. А он мучился одним-единственным вопросом и ломал руки, не решаясь его задать.

Они поднялись на холм к дому-кораблю и остановились посмотреть, как занимается вечер над городом. «Скоро я буду там, с папой и Сверре, – подумала Тури, глядя на бриллиантовые небоскребы Центра. – Когда мы закончим с Кисэки и объявим об открытии, я смогу себе это позволить». Кайго вдруг коснулся ее руки, и она посмотрела на него. «А Кисэки? Хочу ли я, чтобы он тоже был рядом?»

– Отец не удержит меня здесь, – заявил он. – Я здоров. Хватит меня оберегать! Устроюсь в городе и займусь тем, чем всегда хотел.

– И чем же?

– Открою свой книжный магазин.

– Кисэки...

– Что? Думаешь, запретят? Это будет небольшая книжная лавка с библиотекой. Ты будешь писать (неприменно будешь!) и вести творческие вечера, а я, если нужно, облечу всю галактику и соберу книги со всего света. Каждый сможет прийти и почитать, что ему понравится. Представляешь?

Тури хотела было возразить, что таких магазинов предостаточно в Центре, а книжный репертуар все равно будет подбирать специальная комиссия, но промолчала.

– Мы не будем останавливаться на этом...

– Мы?

Они впервые за весь день посмотрели друг другу в глаза.

– Мы! Как только у меня появится свой угол в городе, ты переберешься ко мне... – голосом, не терпящим возражений, заявил он и чуть мягче добавил: – Ведь правда же?

Тури отвела взгляд в сторону и поехала от холода. Она вспомнила, как прощались с *настоящим* Кисэки. Был такой же холодный, светлый день. С веток время от времени летели перья снега. Рука Сверре обнимала ее за плечи. А она не могла больше выдать ни одной слезы, хотя пальцы упрямо не выпускали платок.

Кто-то из близких друзей Кисэки только что закончил проникновенную речь. Сгорбленный горем профессор принял его соболезнования кивком головы и повернулся к Тури, прося ее выступить. Над пустой могилой Кисэки она обещала не забывать его и мечтала, чтобы он вдруг появился из ниоткуда и объявил бы все происходящее какой-то страшной ошибкой.

Но он не появился ни тогда, ни через неделю, ни через год, два, три... Боль притупилась. Тури научилась мечтать о другом.

А теперь ее возвращают на пять лет назад и предлагают воплотить в жизнь те мечты, от которых она уже отказалась. Но с кем? С Кисэки? Или с П-9? А, может, и вовсе с кем-то третьим?

Не услышав ответа на свой вопрос, Кайго забеспокоился.

– Тури... Ты любишь *его*, да?

– Кого – его? – не поняла Тури.

– Его... Ренна.

Она не удержалась и фыркнула.

– Ренна? Звезды с тобой, Кисэки! Мы просто друзья, коллеги... Ничего больше.

– Тогда кого-то другого?

– Кисэки...

– Пожалуйста, Тури... Просто скажи мне. В этом нет ничего такого... Меня долго не было рядом и...

– Нет, Кисэки, у меня никого нет, – быстро перебила его Тури. Ей не хотелось, чтобы он продолжал.

Кайго шагнул к ней и взял ее за руки. Его глаза, светлые, с янтарными крапинками, взглянули на Тури с тихим торжеством и нежностью, его губы, улыбаясь, потянулись к ее устам. Но этот взгляд и эта улыбка вдруг вызвали у нее смешанное чувство, граничащее с отвращением. Она видела перед собой своего бывшего пациента, П-9, к которому не испытывала ничего, кроме жалости. Это не Кисэки... Тури отвернула голову.

Кайго выпрямился.

– Прости, Кисэки, я еще не привыкла, – прошептала она.

– Не надо, Тури, не извиняйся. Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь. Если бы ты только знала, как это тяжело!.. – чуть слышно проговорил он и сжал ее ладони. – Мы подождем. Пойдем, скоро стемнеет.

...Опустевший сад засыпал под аметистовым покрывалом неба. Оставшийся далеко позади город казался замерзшим посреди ледяного океана маяком. Тихие сумерки быстро обволокли фигуру Кайго, идущего немного впереди, и Тури вдруг живо представила себе настоящего Кисэки. Как будто это был действительно *он*. Его плечи, его затылок, его рука, тянущая ее за собой... Сердце радостно забилося и больно ударило в грудь. Ах, если бы это было правдой! Но едва свет, падавший из окон, коснулся Кайго, чудесное видение рассыпалось. Это снова был кто-то чужой.

Подходя к дому, Тури вдруг подняла голову и увидела в окне профессора, наблюдавшего за ними. Во всей его позе и наклоне головы ей почудилось что-то зловещее. Сверкнув стеклами очков, он медленно развернулся и исчез в глубине комнаты.

Глава 8

Праздник Солнца

После ухода Руа профессор Камура стал избегать встреч с Тури. Стоило ей появиться в гостиной, где он аккуратно заполнял свой дневник, как он тут же вскакивал с кресла и под самыми нелепыми предложениями уходил прочь. Если она встречала его в саду, когда он изучал молодые побеги венерианской акации, он, едва не падая со стремянки, спешил скрыться с глаз и делал вид, что ничего не слышит и не видит. Тури оставила в его кабинете записку, но так и не смогла застать профессора одного – рядом с ним все время был Кайго. Профессор наверняка догадывался, зачем она его преследует, и недвусмысленно давал понять, что обсуждать ссору с Руа не намерен.

За ужином Тури с тоской смотрела на пустующее напротив нее место, которое раньше занимал Руа. Его уход как будто бы остался незамеченным для семейства Камура. Отец лишь мимолетом обмолвился о том, что Ренну неожиданно пришлось вернуться в город.

– Что-то связанное с его прежней работой, но я уверен, ничего серьезного.

А сын, который явно тяготился присутствием «вечно чем-то недовольного» Руа, даже обрадовался, когда тот ушел.

– Странный человек. Ни разу не видел, чтобы он улыбнулся! Его хмурая мина только наводила на всех тоску.

– Ренн не такой, – пробурчала в сторону Тури, без аппетита гоняя зеленый горошек вилок по тарелке. – И дело тут вовсе не в нем.

– А что, – пропустив ее замечание мимо ушей, обратился профессор к Кайго. – Ты ведь не забыл, какой завтра день, Кисэки?

– Как же я мог забыть! – с набитым ртом пробубнил тот. Кисэки никогда не разговаривал за столом. Эта вредная привычка, очевидно, досталась Кайго от П-9. По словам медсестер, тот всегда отличался отменным аппетитом. – А ты, Тури?

– Ммм, пятница?.. – безразлично пожала плечами она.

– День Солнца, глупышка! – проглотив большой кусок, со смехом воскликнул Кайго. Его глаза заблестели. – Я хотел пригласить тебя на праздник! Я ведь тогда не успел... Ну ты помнишь, перед Церерой. Ты согласна?

Пальцы Тури с такой силой стиснули вилку, что побелели костяшки. «Это какое-то безумие!» – едва не воскликнула она, но сдержалась и только сумрачно улыбнулась.

В день Солнца пять лет назад посреди всеобщего веселья и гуляний Кисэки Камура попросил ее, Тури Йонаш, стать его женой...

Они хотели объявить о свадьбе после возвращения Кисэки со службы. Но он не вернулся, и об их намерении сочетаться узами брака так никто и не узнал, даже профессор. Смерть и время сняли с обоих клятвы в любви и верности, и Тури отпустила Кисэки.

Но он ее еще не отпустил.

– Тури, ты чего? – с беспокойством окликнул ее Кайго, когда она не ответила.

Она вздрогнула и отбросила тяжелые мысли прочь.

– Я? Ничего.

– Ты как будто привидение увидела. Все в порядке? – он взял ее за руку, лежавшую рядом с нетронутым бокалом вина, и заглянул ей в лицо.

– Да-да, я просто... задумалась.

– По-моему, тебе нужно отдохнуть, – не отставал Кайго. – Зря я начал об этом...

– Нет, Кисэки, я с радостью, – Тури поняла, что если не согласится пойти с ним на праздник, то не отвяжется от опасных расспросов и ненужной заботы.

– Прекрасно! В таком случае я надеюсь, что ты закончишь отчет к утру, Тури, – как бы между делом ввернул профессор, взяв за ножку изящный бокал.

– Что?

– Отчет, – с нажимом повторил он. – Итог твоей работы здесь.

Вилка опасно дрогнула в пальцах Тури. Кайго, с тревогой переводивший взгляд то на него, то на нее, поспешил вмешаться.

– Отчет?! И слышать ничего не хочу о работе! – категорично заявил он, отодвинул от себя пустую тарелку и встал из-за стола. – Тури должна отдохнуть перед завтрашним днем! Лучше пойдете в сад, пока не стемнело.

Профессор улыбнулся уголком губ, но от прогулки вежливо отказался, сославшись на усталость. Тогда Кайго с надеждой повернулся к Тури, но и она уже спешила подняться в комнату. Напоминание об отчете, о котором никто до этого момента даже не думал, для Тури было приглашением покинуть дом вслед за Руа. И она не хотела, чтобы его повторяли дважды.

«Великие звезды, но почему он так хочет остаться один? – недоумевала она, убирая со стола бумажных драконов – подарки Кайго. Ее взгляд вдруг зацепился за календарь, который Руа позабыл в своей комнате. – Или я действительно тут задержалась? А, может, прав был Ренн, и профессор просто ревнует?»

С этими мыслями Тури подперла лоб ладонью и принялась за работу.

Утром она едва нашла в себе силы подняться с кровати. Подушка казалась все еще мокрой от слез. Готовый отчет Тури положила на стол в гостиной: когда профессор спустится к завтраку, он непременно увидит его. Потом она достала из кармана ключ от своей комнаты и задумчиво покрутила его в руках.

– Вы ждете профессора Камура?

Она чуть не подпрыгнула от неожиданности. За ее спиной стоял Ло Мью. В руках он держал поднос с фарфоровым чайником и чашечкой.

– Э-э-э... Нет, я просто оставила отчет, который он просил, – чувствуя странную неловкость, оправдалась Тури.

Взгляд дворецкого опустился на ключ в ее руке.

– Я могу вам чем-то помочь?

Тури на мгновение призадумалась.

– Да! – нашлась она. – Напомните, пожалуйста, профессору, что я давно пытаюсь с ним поговорить.

После чего решительно зажала ключ в ладони и вышла на крыльцо, где ее дожидался Кайго.

Увидев его, Тури невольно вздрогнула. Обычно рядом с Кайго ощущалось присутствие постороннего человека – П-9, – но теперь она как будто увидела живого призрака. Он выбрил виски, совсем как настоящий Кисэки, избавился от бороды, которая делала его похожим на бродягу, выбрал лучшее, что нашлось у него в гардеробе, хотя теперь все это безнадежно устарело. От П-9 не осталось и следа, лишь пустая оболочка, которую Кайго мог изменить по своему вкусу и уже сделал это. Он больше не казался заложником чужого тела.

Кайго поднялся на ноги. Тури окинула его взглядом с головы до ног.

– Что ты с собой сделал? – весело улыбнулась она.

– Ничего. Решил хоть ненадолго почувствовать себя прежним, – пожал плечами тот и тут же обиженно добавил: – А ты даже не приоделась к празднику!

Тури опустила глаза на свои потертые на коленках джинсы и невзрачную футболку. Последний раз ей удалось побывать в своей квартире почти месяц назад, когда она уладила все дела в «Каннон». Но и тогда профессор так ее торопил, что в результате в сумке оказались вещи, от которых Тури давно хотела избавиться.

– Прости... Я всю ночь работала над отчетом для твоего отца.

– Всего один цветок в волосах мог бы исправить дело. Ты ведь любишь красный, правда?
– Нет никакого цветка, Кисэки, – нахмурилась Тури, заглядывая ему в глаза. – И никогда не было.

– Был! – упрямо заявил Кайго. – Не знаю, что вы с ним сделали за то время... за время моего отсутствия, но я хорошо его помню. Этот цветок мне прислали с Ганимеда!

– Разве на Ганимеде уже выращивают растения? – усомнилась Тури.

– Еще бы, с помощью гидропоники. Неужели ты совсем не интересуешься тем, что происходит за пределами нашего мира?

Они вышли к железной дороге, обнажившейся из-под корки синего льда, и бодро зашагали к станции. Стоял праздничный голубой день, и нежные солнечные лучи пробуждали к жизни даже унылые ржавые постройки на окраине города. Из-под рваного белого покрывала кое-где показались островки сухой травы. В расщелинах и камнях бормотали ручейки, и нога то и дело проваливалась в ямки под слоем пористого снега. Тури и Кайго шли рядом, придерживая друг друга за локти.

Кайго вызвал для них аэрокар, и через несколько минут Белая Долина осталась позади, как дурное воспоминание.

Для него это был первый выход в город. Он с детским любопытством вертел головой по сторонам, свешивался вниз, чтобы посмотреть на улицы, над которыми они пролетали, и едва мог усидеть на месте. Несколько раз он помахал рукой незнакомым людям внизу и прокричал какую-то нелепицу. И так до тех пор, пока она наконец не улыбнулась и не перестала хмуриться.

Праздник Солнца традиционно проходил в центре города, целые площади и улицы освобождались для гуляний и одевались во все оттенки золота. Согласно официальной идеологии, в этот день, много лет назад, была провозглашена власть Великих Кланов. Считалось, что приход клановцев угоден самим звездам: не случайно переворот совершился в самый теплый день в году.

Тури указала водителю на извивающуюся впереди желтую улицу-змею, и аэрокар устремился на свободную посадочную площадку. Оттуда Тури и Кайго влились в оживленную толпу людей. У многих на ладонях и щеках были нарисованы желтые круги, дети бросали в воздух тысячи бумажных солнц. Повсюду не смолкал смех и разноголосый гул, в котором тонули обрывки никем не подхваченных песен. Весь этот солнечный поток людей увлек Тури и Кайго на Главную площадь, окруженную лазурными небоскребами.

Кайго купил у уличной торговки желтый платок, который Тури тут же повязала на шею.

Когда полицейские стали теснить толпу, освобождая место для праздничного марша, Кайго помог Тури взобраться на каменное ограждение у военно-исторического музея. Многие последовали их примеру и приготовились ждать солнечный парад, не обращая внимания на теснившихся внизу людей.

– А когда-то здесь все было по-другому! – вдруг сказал Кайго, когда раскаты маршевой музыки в одно мгновение оборвали многоголосый хаос.

– О чем ты?

– Никаких скучных парадов, никаких солдат... Только танцы и песни! Вон там, в центре – видишь? – разводили огонь, сжигали в нем теплую одежду и танцевали до самого утра.

Тури недоверчиво покосилась на него и засмеялась.

– Ну ты и выдумщик, Кисэки!

– Ты мне не веришь?

– Какой же это праздник! Это... безумие какое-то!

– А это разве лучше? – с жаром возразил он и указал на стройные ряды солдат, механически вышагивающих под громкие рукоплескания. Их сапоги топтали усеянный бумажными

солнышками асфальт. – Разве ты не можешь представить себе мир, в котором не было бы всего этого?

Тури вспомнила о кружках, из которых всеми правдами и неправдами вытаскивал сына профессор Камура.

– Кисэки, наш мир не такой уж и плохой. Здесь тоже можно жить, нужно лишь соблюдать правила, – Тури не заметила, что понизила голос, как будто опасаясь, что их могут услышать.

– Даже если эти правила жестоки и бесчеловечны?

– Поверь мне, так лучше. Смотри! – она кивнула на синие мундиры космических пилотов, пытаясь переменить тему. Еще немного, и из уст Кайго польется речь завязатого повстанца. – Интересно, куда они полетят?

– Неужели ты совсем не интересуешься тем, что происходит за пределами *твоего* мира, Тури? – грустно повторил он. Его взгляд прожег ее насквозь, и ей стоило больших усилий не оглянуться.

Тури заставила себя непринужденно улыбаться и болтать ногами в воздухе, отчаянно делая вид, будто не расслышала его слов в какофонии оркестра. Но почувствовав, как теплая ладонь Кайго накрыла ее руку, она вздрогнула и удивленно обернулась к нему.

В этом простом прикосновении был весь Кисэки.

– Не бойся, Тури, – его пальцы слегка стиснули ее похолодевшую ладонь. – Я никуда не уйду. Даже если ты находишь синемундирных интереснее меня, – шутливо добавил он и тут же увернулся от возмущенного тычка в плечо.

Люди под ними замахали желтыми ленточками и стали поднимать детей на плечи, когда на площади появились члены правящих кланов. Мужчины в безукоризненных черных мундирах и дамы в строгих золотых платьях чинно приветствовали горожан, доводя до восторженного исступления своих верноподданных. Как по волшебству с неба посыпались янтарные лепестки, которые пригоршнями выбрасывались из аэрокаров, круживших над площадью. Дети старались зажать в кулачках как можно больше цветов. Влюбленные парочки спешили картинно поцеловаться под солнечным дождем.

За раскатами торжественной музыки не сразу расслышали одинокий хлопок и испуганные крики.

– Что это там? – Кайго поднялся во весь рост и стал вглядываться в толпу на противоположной стороне улицы.

Тури пришлось прищуриться, чтобы разглядеть там странное оживление и возню. Несколько человек выбросило из строя прямо навстречу высокопоставленной чете, и те едва успели увернуться от столкновения с простолюдинами. Полицейские попытались восстановить порядок, но волнение уже перетекло в другую часть улицы. Раздалось еще несколько глухих хлопков, и в считанные секунды площадь оказалась охвачена паникой.

– Кто-то стрелял! – послышалось в толпе.

Тури с тревогой оглянулась на Кайго. Не обращая внимания на крики, он высматривал что-то вдали.

Оркестр издал еще несколько нестройных аккордов и захлебнулся, сметенный толпой. Полицейские поспешили окружить и увести клановцев прочь, но их всех едва не задавила волна метущихся в первобытном страхе людей. Мужчины рядом с Тури стали спрыгивать с ограждения и растворяться в толпе, и она, почуяв опасность, ухватила за безвольную руку Кайго.

– Кисэки, уйдем отсюда! – взмолилась она, видя, что он, как загипнотизированный всеобщим безумием, не спешит уходить.

– Ты видишь его? Того, кто это сделал? – не глядя на нее, спрашивал он.

– Бах! – раздалось совсем рядом с ними.

Выстрел вырвал Кайго из оцепенения.

Он взял Тури за руки и помог спуститься на землю, где в бешеной давке их тут же оттеснили обратно к ограде. В нос ударил удушливый запах вспотевших тел, в уши – оглушительный вой толпы. Увлекаемые живым потоком, намертво вцепившись друг в друга, Тури и Кайго неслись по улице и могли только надеяться, что их выбьет с площади в тихий закоулок. Вокруг – ничего, только стоглавое, сторукое и стоногое чудовище, поглотившее их.

Желтые лепестки засыпались за шиворот, праздничные ленты путались в волосах. Солнца на лицах размазались в уродливые пятна.

Пытаясь найти зачинщиков беспорядка, полицейские стали хватать бегущих и тащить их за ограждение. Кто-то резко дернул Тури за локоть в сторону, и она едва не упала под ноги ревущей толпе. Кайго обернулся, почувствовав, как ее ладонь выскользнула из его руки, но успел увидеть лишь мелькнувший в пестрой массе желтый платок.

– Тури!

Тури безжалостно толкали из стороны в сторону, пока не выбросили на обочину, где ее тут же грубо подхватил полицейский. Ее потащили к полицейской машине.

– Отпустите меня, я ни в чем не виновата! – забилась в стальных объятиях полицейского она.

– Молчать, разберемся! – прорычал тот над ее ухом и толкнул к таким же несчастным, пережеванным безумной толпой.

Здесь были и дети, и старики, и женщины – все, кого успевали схватить и кто не мог уйти от неразборчивого суда. Их залитые слезами и страхом лица с надеждой повернулись к Тури, дрожащие руки безропотно приняли новенькую в свой круг. Полицейский успел выхватить из ее кармана удостоверение.

Тури рванулась к нему, готовая упасть на колени, лишь бы он отпустил ее и вернул документы. Если в «Каннон» узнают, что ее схватили во время стрельбы на улице, – пусть даже и по ошибке, – она больше никогда не отмоется от этого позора. Но полицейский лишь нетерпеливо отпихнул ее прочь и уже нацелился на новую жертву.

Тури забегала и закрутила головой, тщетно пытаясь разыскать Кайго.

– Кисэки! Кисэки! – кричала она. – Где ты?

Но если он не сгинул в этом живом и орущем море, то наверняка уже добрался до спасительного берега.

В висках Тури билась лишь одна страшная мысль: «Неужели он оставил меня? Неужели он не вернется за мной?»

Глава 9

Точка невозврата

Руа стоял на ступенях перед входом в «Каннон», закутавшись в пальто, и сканировал взглядом сотрудников центра. Он уже успел обменяться приветствиями со всеми знакомыми, и губы его онемели от вынужденных улыбок.

- Давненько тебя не видно на работе, Ренн...
- Проигрался, да?
- Слежки боишься?
- Ты смотри, так и под увольнение попасть недолго.
- Пустяки, – криво улыбался Руа и спешил отвернуться.

Он бы и рад не стоять тут посмешищем перед своими сослуживцами, но не разрешал себе уйти.

Он ждал Тури.

Если ее отпустили, то сегодня утром она непременно выйдет на работу и поднимется по этим ступеням. Он заметит ее, подойдет к ней и скажет.

Что скажет?

Посмеет ли он, после всего, что сделал, сказать ей эти слова?

«Тури, я люблю тебя».

Прошлой ночью он сбежал из ее квартиры.

Она не дождалась его возвращения из душа.

Руа присел на край кровати и, словно зачарованный, смотрел, как она спит.

Не удержавшись, он склонился ниже и припал губами к ее шее. Запах и восхитительное тепло кожи опьянили его, и ему тотчас захотелось большего. Сжать в объятиях, сорвать с этих нежных губ поцелуй, почувствовать ее дыхание на своем лице...

Почему они не могут быть вместе сегодня? Встреча в баре, внезапное гостеприимство Тури... «Что если все это не случайно? – думал Руа, подбираясь к ее губам. – О звезды, быть может, именно сегодня...»

Рука Тури опустилась ему на затылок. Ее губы растянулись в сонной улыбке.

– Кисэки...

Ее слова были как пощечина.

Руа похолодел и отпрянул.

Даже во сне, даже после всего, что произошло, она любит его, этого *получеловека-полусумасшедшего!*

И он бежал из ее дома, на ходу застегивая рубашку и пальто. Уличная прохлада не привела его в чувство, а только добавила решимости. В висках стучала одна мысль: *отомстить*.

Да, отомстить! Всем отомстить! И этому выскочке, и зарвавшемуся профессору, и предавшей его Тури...

Руа помнил, как механически набрал номер телефона спецслужбы, знакомый каждому жителю города, и сказал, изменив голос:

- У меня есть сведения о перестрелке на празднике Солнца.
- Назовите ваше имя, – потребовали на том конце провода.
- Если вас интересует, кто стоит за всем этим...
- Назовите ваше имя, – упрямо повторил голос.
- Спросите у Тури Йонаш! – крикнул Руа. – Запишите! Ту-ри Й-о-наш! – по слогам продиктовал он, бросил трубку и со всех ног побежал от телефонной будки.

«Ее вызовут на допрос, это пощекочет нервы профессору, – с воодушевлением думал он, прячась в темной подворотне. Отсюда было хорошо видно дом Тури и парадный вход в него. – Пусть помучаются! Завтра она уже вернется на работу».

...Лестница постепенно пустела. Руа посмотрел на табло с часами над входом. «Может, я пропустил ее?» – с надеждой подумал он и, еще немного потоптавшись на месте, пошел вниз. По дороге к метро наткнулся на телефонную будку, позвонил Тури домой. Никто не ответил.

Вечером Руа заскочил в бар. Бармен Джо подтвердил его опасения: та хорошенькая девушка, с которой он ушел в последний раз, здесь больше не появлялась.

Руа вздохнул, собрал волю в кулак и направился к дому Тури.

Он не появлялся здесь с того момента, как ее арестовали.

Вот угол, за которым он прятался утром. Холод забирался к нему под кожу, а он все стоял и смотрел, как на улице приземляется аэрокар, как сержант, поправив пояс с кобурой, заходит в дом Тури и через несколько минут выходит с ней, такой растерянной, такой беспомощной...

Он боролся с желанием подбежать к ней, закрыть своей грудью и закричать: «Это ошибка! Это не тот, кто вам нужен!»

Но он не сделал этого.

Завернув за угол, он тут же отступил назад и спрятался за стеной. Напротив дома Тури стоял черный аэрокар. Руа не удержался и тихо выругался: «Что они тут забыли?»

Подняв воротник пальто, он перешел на другую сторону и затаился за углом. Отсюда ему было хорошо виден дом Тури. Он отсчитал нужное окно и снова выругался, когда оно оказалось черным. «Ее должны были уже отпустить. Неужели она до сих пор в Башне?»

Руа вспомнил про профессора: «Она могла поехать к нему».

При мысли о том, что ему придется наведаться в Белую Долину, он стиснул зубы и застонал. Встреча с вредным стариком – последнее, чего ему сейчас хотелось.

Но делать было нечего. Руа повернул обратно и зашагал к ближайшей станции метро.

«Если бы Тури сдала меня и профессора, – рассуждал он по дороге, – за нами бы уже приехали!»

Помня о комендантском часе, Руа отправился домой. Прежде чем войти в холл, он долго всматривался в темноту. Потом поднялся к себе и, не включая свет, упал на кровать.

«Значит, она им ничего не сказала... – ободрял себя он, пытаясь заснуть. – Ее выпустили и установили слежку. Если профессор еще не выжил из ума, он поможет ей скрыться. Да, так... Именно так! Она у профессора!»

Так и не сомкнув глаз, Руа поднялся на ноги, едва за окном забрезжил рассвет.

Пробираясь пустынными улицами, он увидел три фигуры, бредущие вдоль стены. Они шли со стороны Зеленого квартала и теперь, так же, как и Руа, старались не попасться на глаза полицейским. У одного из них сегодня, похоже, был счастливый день.

– Аэротакси! – требовал его пьяный голос. – Нет, аэролимузин!.. Весь имперский флот сюда!

– А императорский кортеж не желаешь? – съязвил второй.

– А ну заткнитесь оба! – зашипел на них третий, который шел впереди. – Если попадемся, не видать нам нашего выигрыша!

– Пусть попробуют! Это мои деньги, я их выиграл! – не унимался пьяный. – Я их всех куплю!

– Угу, – похлопал его по плечу насмешливый приятель. – Только долю мою сначала отдай. Я за тебя раскошелиться не намерен!

– Ну вас! – замахнулся на них вожатый. – Если бы не я, вы и знать не знали бы о...

Руа проводил троицу взглядом. Его рука машинально полезла во внутренний карман пальто, где он обычно хранил жетоны для игры в лунного джека. Пошарив в пустоте, рука

с разочарованием опустилась вдоль тела. «Ничего, – утешил себя Руа. – Получу деньги, рассчитаюсь с Одноглазым Тоби и начну все заново... И Тури...»

Добравшись до старой железнодорожной станции, Руа вышел по знакомой тропе к дому профессора.

Преодолевая себя, он поднялся по ступенькам и постучал в дверь.

Ему долго не открывали. Наконец, за дверью послышалась шаркающие шаги и щелкнул замок. В дверном проеме показалась белая голова дворецкого Ло Мью.

Руа не любил этого старика: слишком верен хозяину, оберегает его, как хрустальный глаз.

– Здравствуйте, господин Руа, – сухо поприветствовал дворецкий. – Что привело вас в Белую Долину в такой час?

– Я к профессору, – хмуро сказал он.

– А, – неприятно улыбнулся Ло Мью, но не сдвинулся с места. – Понимаю.

– Ну так пропусти меня! – Руа попытался протиснуться, но дворецкий закрыл собой весь проем двери.

– Профессор не говорил мне, что ждет гостей.

– С каких пор я стал гостем, Ло Мью?

– С тех самых, господин Руа, как вы с вещами покинули этот дом, – легкая усмешка скользнула по губам слуги. – А сегодня вы к нам по какому вопросу?

– По такому, – огрызнулся Руа. – Буди профессора, я не могу ждать, пока он выспится.

Лицо Ло Мью приняло печальное выражение.

– Прощу прощения, – сказал он. – Но профессор Камура не сможет вас принять.

– Это еще почему?

– Он уехал.

– Что? Куда? Да говори же ты толком!

– Не могу сказать. Я всего лишь слуга, профессор не отчитывается передо мной.

– Когда он уехал?

Ло Мью заволновался. Морщины на его лице пришли в движение.

– Когда, когда... – пожевал губами он, силясь припомнить. – Как раз вот этим утром...

– И когда вернется?

– Помилуйте, разве он меня предупреждает?

– А ты уверен, что он не у себя в лаборатории, старая ты калоша?

– В какой лаборатории? – захлопал глазами Ло Мью.

– Да ты издеваешься, что ли? Ну давай я тебе покажу! – Руа пошел было на старика грудью, как тот вдруг с неподобающей его возрасту силой оттолкнул назойливого гостя рукой и захлопнул дверь.

Руа заколотил кулаками в дверь.

– Эй ты, мешок с костями, немедленно открой!

– Простите, господин Руа, но у меня четкие указания не впускать вас в дом, – отозвался голос за дверью.

– А, так про это он не забыл тебе сказать?! Где Тури? Он знает, что ее допрашивали в Башне?

– Что? Тури в Башне? – после короткой паузы тихо спросил голос. – Но почему... Как она там оказалась?

Тури всегда нравилась Ло Мью. Руа же такой чести не удостоился.

– Это теперь неважно! – с досадой стукнул в дверь Руа. – Что-то пошло не так... Мы должны ее вытащить!

– Простите, господин Руа, но я ничем не могу вам помочь, – с прежней официальной сухостью ответил Ло Мью. – Я всего лишь старый слуга... Я передам профессору эту печаль-

ную новость. Но если хотите знать мое мнение, едва ли профессор в силах спасти нашу Тури. В Башню просто так не попадают.

– Что? – взвился он. – Меня твое мнение не интересует! Как только вернется твой хозяин, я...я... Я прикончу его собственными руками, если он ей не поможет!

– Если вы не перестанете буянить, я вынужден буду сообщить полиции, – с сожалением предупредил голос. – Пожалуйста, уходите.

Руа отблагодарил его за гостеприимство парой ругательств и на прощание от души пнул дверь ногой.

«Где его носит, когда он так нужен? Какие дела у него могут быть? А может, он просто сбежал, трус несчастный? – дрожа от гнева, мерил шагами террасу он. – А Тури? Если Тури не с ним, значит, она все еще у них, в Башне! Почему так долго? Ее должны были спросить про покушение и отпустить домой. Она же ни в чем не виновата!»

– О Тури! – Руа схватился за голову и зажмурился. – Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

Рядом с Тури появлялись все новые и новые лица. Многие из них вступали в перебранки с полицейским, но стоило тому пригрозить оружием, как все разговоры тут же угасали. Их глаза не отрывались от его карманов, из которых лишь каким-то чудом не высыпались отобранные документы. Но выхватить свой никто так и не решился: полицейский то и дело кидал в их сторону предостерегающие взгляды, а внушительная кобура на его поясе заставляла держаться на почтительном расстоянии.

Тури стояла в нескольких метрах от полицейского. Страх навлечь на себя еще большие неприятности как будто парализовал ее и удерживал от безрассудства. Она больше не пыталась говорить с полицейским. Она просто ждала, когда все закончится, и только ненавидела себя за то, что оказалась здесь. «Почему из всей толпы выбрали именно меня? Зачем я вообще согласилась идти на этот праздник! – думала она, глотая тихие слезы, и тут же успокаивала себя: – Нет-нет, не только меня, нас много, нас отпустят, они со всеми разберутся, я же ни в чем не виновата».

Тури уже почти смирилась со своим положением, когда толпа выбросила на островок около полицейской машины Кайго. Одежда его была помята, кулаки окровавлены, от носа к подбородку тянулась красная струйка.

Он боролся с течением и победил.

Увидев Тури, Кайго бросился было к ней, но был тут же перехвачен сердитым полицейским:

– Куда прете? Не мешайте, отойдите в сторону!

– Эта девушка со мной! – он указал на Тури. – Она ничего не сделала!

– Там разберутся! – тот даже не взглянул на нее. Его руки уже нацелились на очередного нарушителя.

– Эй ты, я с тобой разговариваю... – Кайго нахмурился и развернул его за плечо.

Полицейский тут же выхватил из-за пояса пистолет.

– Я сказал: в сторону! – прорычал он, угрожая Кайго.

Тот побледнел, но не отступил. Глаза его потемнели от гнева.

Тури, забыв об осторожности, бросилась между ними.

– Господин полицейский, прошу вас, он не понимает, что делает! Он... Он болен! – залепетала она, пытаясь заслонить собой Кайго.

Ее рука неосторожно толкнула руку полицейского и выбила пистолет. Воспользовавшись моментом, Кайго оттолкнул Тури в сторону и бросился на своего врага.

Завязалась драка. Часть задержанных, забыв о своих документах, разбежалась.

Полицейский быстро стал одерживать верх. Ему удалось повалить Кайго на землю, насесть на него и продолжить навешивать удар за ударом. Тот цеплялся за его плечи и шею, пытаясь сбросить с себя эту гору мышц, но тщетно. Тури могла только метаться рядом с ними и кричать:

– Кто-нибудь, помогите! Он... они...

Пальцы Кайго царапали асфальт, пытаясь дотянуться до пистолета.

– Не выйдет! – заревел его противник.

Началась борьба за оружие.

Бах!

Эти двое настолько крепко сцепились друг с другом, что Тури не сразу поняла, кто выстрелил и в кого.

Через мгновение тело полицейского повалилось на землю. Освободившийся от его смертельных объятий Кайго, тяжело дыша, поднялся на ноги.

В его руке был зажат злополучный пистолет.

– О звезды... Ты убил его! – дрожащим голосом прошептала Тури.

Она не могла отвести глаз от расплывшегося красного пятна.

– Кисэки... Ты...

Кайго, как слепой, уставился на нее.

В толпе, омывающей полицейскую машину, заголосили:

– У него оружие!

– Он стрелял!

– Там кого-то убили!!

– Напарник, что тут у тебя? – из-за ограждения выскочил второй полицейский.

Увидев его распростертым на земле, он запнулся на полуслове и перевел взгляд на пистолет в руке Кайго.

– Эй, приятель, – сказал он, подняв руки в воздух. – Послушай, я не желаю тебе ничего плохого... Брось оружие на землю и можешь идти с миром...

Кайго не сводил невидящих глаз с его рук, но не спешил расставаться со своим пистолетом.

Полицейский рискнул сделать осторожный шаг навстречу.

– Я уверен, это какое-то недоразумение, – продолжал он, подходя к Кайго, как укротитель к зверю. – Не будем ничего усложнять, правда? Достаточно крови было пролито сегодня... Отдай мне оружие, друг...

Его правая рука тем временем стала делать неуловимые поползновения в сторону кобуры. Это было ошибкой.

Рука Кайго молниеносно взметнулась вверх. Раз! Два! Три! Закрывшаяся руками Тури даже сквозь душившие ее слезы услышала глухой стук упавшего тела.

Неужели все это происходит на самом деле? Неужели она действительно здесь, на этой безумной улице, посреди безумных людей, в двух шагах от смерти? Почему небо по-прежнему голубое, почему шею по-прежнему душит праздничный платок? Почему этот ужасный день никак не закончится?..

– Пойдем, Тури, надо уходить!

Голос Кайго совсем рядом с ее ухом вернул Тури к реальности, из которой она готова была вот-вот уйти.

Он казался на удивление спокойным и уверенным, хотя белизне его лица могли позавидовать даже мертвецы на асфальте.

Она уперлась, цепляясь за его плечо рукой.

– У него... у него мое удостоверение.

Кайго опустился на корточки перед первым полицейским и хладнокровно проверил его карманы, из которых посыпались добытые им трофеи. Через минуту, прижимая к себе Тури, он присоединился к остаткам толпы и вместе с ними спустился в метро.

Площадь опустела.

В набитом потными телами вагоне для них едва нашлось место. Тури, прижавшись ухом к груди Кайго, рассеянно смотрела на сдавленных теснотой пассажиров. Где-то назойливо хныкал ребенок. Кто-то отчаянно пытался выдрать из волос запутавшуюся желтую ленту. Третьи просили соседей по несчастью заткнуться.

Тревожные и негодующие бормотания действовали на Тури усыпляюще.

– Звезды знают, что там произошло!

– Говорили, что *у них* есть свои люди в полиции...

– Клановцы наведут порядок...

– Я слышал, генерал Йаре был ранен...

– Убит полицейский! Я сам видел этого ублюдка!

Тури подняла встревоженный взгляд на Кайго. Его рука, обнимавшая ее за плечи, казалась невероятно тяжелой. Он смотрел стеклянными глазами прямо перед собой, но ничего не видел.

О чем он думает, что творится сейчас в его голове? Слышит ли, как все вокруг говорят о нем, хотя и не догадываются, что он совсем рядом?

Его пальцы все еще сжимали пистолет, и окружающим стоило лишь посмотреть вниз, чтобы увидеть его. Тури повернулась так, чтобы его рука прижалась к ней. Холодный ствол больно обжег ей кожу сквозь футболку, но она не отстранилась и лишь крепко стиснула зубы.

Они вышли на станции до того, как начались полицейские рейды. Чтобы добраться до дома профессора, им пришлось выгрести всю мелочь из карманов и прибавить к ней цепочку с шеи Тури – никто из них и не заметил, как в толпе потерялась ее сумочка. Аэрокар стремительно взмыл в небо, и они почувствовали себя гораздо легче, оторвавшись от обезумевшей земли. Ветер отрезвляюще драл их за волосы, щипал веки, срывая слезы, трепал одежду, местами изорванную чужими пальцами в толпе. Тури посмотрела вниз: золотая площадь и пустые улицы остались далеко позади, вечерний сумрак разгоняли зажигающиеся городские огни.

– А что, правда на празднике бойня была? – вдруг поинтересовался водитель, когда Тури и Кайго попросили остановить на железнодорожной станции.

По его любопытно поблескивающим глазам и изогнувшейся фигуре стало ясно, что этот вопрос мучил его всю дорогу.

– Мы ничего не знаем, – пробурчала Тури, легонько пихая Кайго в бок, чтобы тот убрал руку с пистолетом в куртку.

От водителя не укрылся этот жест.

– Что это вы прячете? – он почти наполовину высунулся из аэрокара и прищурился. – Что-то ценное? Знаете, та грошова цепочка...

– Мы вам все отдали, у нас больше ничего нет, – с мольбой в голосе ответила Тури и стиснула локоть Кайго.

Кайго дрожал то ли от холода, то ли от раздражения.

– Н-да? – водитель принялся, как будто надеясь учуять сокрытые от него деньги, потом откинулся в кресле и постучал пальцами по кабине. – Ну да звезды с вами, не хочется марать руки.

Аэрокар развернулся и нырнул в грязно-фиолетовую мглу. Тури и Кайго, поддерживая друг друга, побрели в сторону Белой Долины. Оба едва передвигали ноги от усталости. Когда впереди забрезжили огни знакомого дома, пистолет закутали в желтый платок и спрятали

в садовых зарослях. Тури даже не заметила, как ее руки покрылись кровавыми бороздками от колючек.

До двери оставалось несколько шагов. Кайго вдруг дернулся, завалился на ступени и обхватил голову руками. Фонарь над крыльцом вырвал из темноты его искаженное мукой лицо. Его широкие плечи разбирала дрожь. Лоб, к которому прикоснулась Тури, горел лихорадкой. Чтобы расслышать, что бормочут его трясущиеся губы, ей пришлось близко придвинуться к нему.

– Тури... Я убийца... Я убил двух ни в чем не повинных людей...

– Ты защищался, Кисэки, – тихо возразила она, положив руку ему на плечо и осторожно сжав его пальцами.

– Я... Я не должен был, я мог бы просто...

– Ты спас меня! – стараясь придать своему голосу больше твердости, продолжала Тури. – Ты знаешь, что они собирались сделать?

Кайго перевел на нее отчаянный взгляд, не отрывая рук от головы, и снова зажмурился.

– Я бы не простил себе, если бы ты пострадала. Но...

– Ты бы погиб, Кисэки, – сказала Тури и повернула его голову к себе. – В этом безумии никто не стал бы разбираться! Они убили бы тебя как зачинщика, а меня – как твою сообщницу!

На самом деле она вовсе не была уверена в своем смертном приговоре. Скорее всего, ее отпустили бы на следующий же день, хотя и не без пометки в личном деле. Но Кайго должен был поверить, что в произошедшем не было его вины и что он поступил если не правильно, то благородно. Иначе не пройдет и ночи, как он побежит сдаваться полиции.

Осознав это, Тури ужаснулась собственным мыслям: «Неужели мне совсем не жаль его?» Неужели она действительно думает только о своей драгоценной репутации? Пытаясь доказать себе, что это не так, она обняла его и стала покрывать лихорадочными поцелуями.

– Пожалуйста, Кисэки, давай забудем об этом! Хочешь, я принесу чего-нибудь крепкого, что угодно, мы напьемся до полусмерти, а когда проснемся, ничего не вспомним? Хочешь, уедем отсюда? Хочешь, попросим Руа стереть нам память?.. Только умоляю, не говори никому, что мы...

Тури осеклась, поняв, о чем она только что едва не попросила Кайго. Он замер в ее объятиях и умолк. Ей стало мерзко. Даже утешая другого, она думала о себе... В ее голове уже складывался безупречный план, которому мог бы позавидовать даже профессор: где, когда и как перепрятать пистолет, что и кому говорить.

«Что со мной не так?»

За дверью послышались торопливые шаги. Тури едва успела отскочить от Кайго, когда на крыльце появился профессор с кочергой в руках. Увидев знакомые лица, он с облегчением выдохнул и прислонил железку к стене.

– Великие звезды, это вы! А я думал, что система опять дала сбой... Почему вы не заходите?.. Что это с вами? Кисэки, что с твоим лицом? Это кровь?

Широко раскрытыми от удивления глазами он уставился на них, бледных, потрепанных и едва державшихся на ногах.

Кажется, он еще не видел последнего выпуска новостей.

– Долгая история, профессор, – вытирая рукой досадные слезы, ответила Тури. – Но, может быть, теперь у вас найдется время поговорить со мной?

Глава 10

Профессор Камура

Профессор Камура не спал всю ночь и не знал, сможет ли заснуть теперь вообще. События наваливались на него, как снежный ком на незащищенную долину.

Едва переступив порог дома, Кисэки упал, и им с Тури пришлось приложить немало сил, чтобы поднять его на диван. У него открылся жар и начался бред. Профессор сделал успокаивающий укол, и тот быстро забылся.

Тури вызвалась было дежурить около него, но профессор не позволил: она сама была слишком измотана. Он принес плед и подушку, устроил ее в гостиной и собирался уже уйти, когда Тури схватила его за руку.

– Я не буду спать, – быстро сказала она, глядя ему в глаза.

Только тогда профессор заметил, как сильно опухли ее веки от слез.

– Ты должна отдохнуть, Тури, – он сделал попытку отнять у нее свою руку.

– Если я засну, профессор, вы опять уйдете.

– У меня много работы, Тури.

– Нам *надо* поговорить.

– Я никуда не уйду, – пообещал он, обращаясь к ней как к маленькому ребенку. – Ты поспишь, и утром мы обо всем поговорим.

– Нет, – заупрямилась она, приподнимаясь, и с удвоенной силой вцепилась в его руку. – Сейчас! Прямо сейчас, профессор! Мы должны...

Тури не договорила. В горле ее клокотало от слез. Профессор вздохнул и подчинился.

– Хорошо. Позволь хотя бы предложить тебе кофе.

– Лучше что-нибудь покрепче, – попросила Тури.

Она добилась своего и теперь расслабилась.

Дождавшись, пока профессор устроится в кресле напротив, Тури начала свой рассказ. Он слушал ее, не перебивая. На его памяти это было первое крупное выступление повстанцев. Они вели довольно активные действия в колониях за астероидным кольцом, но никогда еще не подбирались так близко к имперской столице. Эта стрельба во время одного из самых светлых и мирных праздников – явный вызов клановцам. Повстанцы хотят выйти из тени...

Жаль только, их быстро сомнут. Империя строилась не один день, ее так просто не сокрушить. Что для нее перестрелка на площади? Только лишний повод усилить репрессии и втянуть в войну еще больше солдат, еще больше простых хороших людей и превратить их в героическое мясо.

Повстанцам нужно другое оружие...

И у меня оно есть.

Тури рассказала о том, какое впечатление на Кисэки произвели выстрелы. Это показалось профессору странным: его сын всегда был противником насилия, но к оружию относился спокойно, упражнялся в стрельбе и исправно нес службу в армии, пока... Впрочем, это был первый выход Кисэки за пределы дома... в новом облиции. Вполне естественно, что его так взволновал шум на площади.

– А потом, – продолжала Тури, с трудом подбирая слова, – меня схватили, профессор!

– За что?

– Это не важно! – отмахнулась она, но видя, как он смотрит на нее, поправилась: – Просто так, попала в облаву. Там хватали всех, без разбора!

– А Кисэки?

Тури снова замялась.

– Кисэки... он...

- Ну!? – чувствуя неладное, в нетерпении поторопил ее профессор. – Говори же!
- Он убил двух полицейских, – выдохнула она и окаменела.
- Что?! – подпрыгнул он. – Кисэки убил?..
- Он просто защищался, профессор! – стала оправдывать его Тури. – А тот, второй, он...

Профессор, я думаю, Кисэки не владел собой...

- В каком смысле – *не владел собой*?
- Его как будто... заклинило, – она сдвинула брови, пытаясь найти нужные слова.
- Заклинило?

– Я сама не поняла, как это произошло! Понимаете, там, на площади, с ним что-то случилось... Он как будто перестал быть самим собой.

– И надо было вам пойти на этот чертов праздник? – в сердцах воскликнул профессор и с силой стукнул кулаком по колену.

Тури поджала губы и плотнее закуталась в плед. Профессор поднялся и стал ходить по гостиной, лихорадочно соображая, как быть дальше.

- Вас видели? – спросил он после недолгого молчания.
- Нет, кажется, нет, – бесцветным голосом ответила она, не глядя в его сторону.
- Так *нет* или *кажется, нет*?
- Там была толпа, суматоха... Вряд ли кому-то было до нас дело, – не очень уверенно ответила Тури.

– А оружие? Откуда вы вообще его взяли?!

– Кисэки выхватил его у полицейского во время драки. Я спрятала его в вашем...

– Не говори! Я не хочу знать, где! – оборвал профессор, подняв руки. Тури замолчала, и ее лицо еще больше потемнело. – Не впутывай меня в это!

Они снова замолчали, но замолчали каждый о своем. Профессору нужно было решить, как уберечь Кисэки, в том числе и от Тури.

Первой разумной мыслью было удвоить дозу лекарства. «Хорошо бы усилить действие некоторых компонентов, но разработка займет время, а его у меня, похоже, нет. Сначала нужно переждать бурю», – выстраивались в голове его мысли.

В очередной раз он задумался о переезде.

Все так не вовремя! Профессор только-только подобрал подходящие дозировки для Кисэки; еще немного, и он окончательно окрепнет, вытеснив из всех уголков сознания остатки П-9. К его внешней оболочке профессор уже давно привык, как привыкают к новым обоям в старой комнате.

А теперь что? Его найдут! У армии и полиции для этого более чем достаточно сил и возможностей. Чего стоит только разветвленная сеть информаторов! А сколько на площади могло быть очевидцев! Быть может, уже сейчас снимаются данные с камер наблюдения и составляются фотороботы нападавших...

«Сколько у меня есть времени? – думал профессор. – Неделя? День? Нет, скорее всего, считанные часы. Переписать Кисэки... Но в кого? Пока найдешь подходящее тело, меня уже арестуют и, чего доброго, казнят. Должен быть другой выход!»

Они скоро будут здесь.

Профессор сдвинул виски руками, сделал глубокий вдох и с шумом выдохнул через рот. «Так нельзя. Я должен успокоиться, – сказал самому себе он. – Решение есть, и я найду его».

Погрузившись в лихорадочные размышления, профессор совсем забыл про Тури, которая все это время не сводила с него глаз.

– Вы не можете так просто отмахнуться от этого, – первой нарушила тишину она. Ее голос дрожал от возмущения. – Мы все в этом замешаны, мы все часть одного проекта. И Ренн тоже и, быть может, даже в большей степени, чем я...

– Я не раскусил его сразу, – с досадой качнул головой он. – А ведь Руа хочет только нажать на Кисэки!

– Неправда!

– Так он не рассказал тебе о своих планах? – искренне удивился профессор. – Я думал, у вас нет друг от друга тайн.

– О чем вы, профессор? – краснея, спросила она. – Какие планы?

– Твой Ренн надеется сделать себе имя на моем изобретении! – от одних этих слов его брезгливо передернуло.

– Разве это не ваше с ним изобретение?

– Он только исполнитель, – усмехнулся профессор. – Да, у парня есть определенные знания, но он ничто без моих идей, без моего замысла... У него такие же права на это изобретение, как у моего дворецкого. Но сколько наглости! Бьюсь об заклад, он торопился с объявлением, потому что нашел выгодного покупателя. Наивный! Думает, что получит за эту машину целое состояние, а может даже место в военной лаборатории «Хатиман».

– И как, по-вашему, он сможет это осуществить? – прищурилась Тури.

Профессор фыркнул.

– Очень просто. Руа свалит все на меня и выйдет сухим из воды. Будто бы я силой заставил его помогать мне. А он, как честный гражданин, готов продать все данные и аппаратуру властям. Он не сделал этого до сих пор лишь потому, что не был уверен в успехе эксперимента. Ты же понимаешь: за технологию, которая действительно работает, можно спросить вдвое больше.

– Вы говорили об этом с Ренном? – Тури выглядела совсем растерянной. От ее холодного гнева не осталось и следа.

– Да, я говорил с ним... И, быть может, с моей стороны было ошибкой дать ему уйти. Я доверял ему... Не знаю, какие данные он успел унести с собой. Для окончательной победы ему не хватает только твоего отчета.

Тури сжала концы плета в кулаке у груди.

– Профессор, даже если допустить, что вы говорите правду, – собравшись с духом, начала она. – Вы... вы абсолютно уверены в том, что Ренн настроен против вас? Ведь «Хатиман» – одна из лучших лабораторий в империи. Если где и доведут до ума ваше изобретение, то только там.

– Пойми, Тури, Руа меньше всего интересуется судьба моего изобретения. И то, в каких целях оно будет использоваться властями, его тоже совсем не волнует. Деньги и громкое имя – вот чего он добивается. А чего добиваешься ты? – неожиданно спросил профессор и впился глазами в ее лицо.

– Я? – вспыхнула Тури, с беспокойством зашевелившись в плече.

Профессору было достаточно одного только взгляда, одного слова.

«И ты, Тури... – с горечью подумал он. – Так я с самого начала был прав! Вы с Руа – одного поля ягоды. Только ты гораздо хитрее. Каждый раз, когда я начинал что-то подозревать, ты вдруг проявляла такую неслыханную заботу о Кисэки, что я и в самом деле начинал тебе верить. Если бы не тот разговор с Руа...»

– Так ты скажешь, что тебе ничего не нужно? – продолжил профессор. – Что Руа не пытался переманить тебя на свою сторону? Что ты не хотела получить долю от моего открытия?

Глаза Тури заблестели, нижняя губа дрогнула.

– Как вы... вы... – прошептала она и задохнулась от возмущения.

– Не притворяйся, Тури, – махнул рукой он. – На сколько тебя тогда хватило? На год? Ты ни разу не вспомнила о моем сыне после его смерти! Деньги – вот чего ты от него хотела!

– Я не стану больше это слушать, – Тури нашла в себе силы встать, придерживая плед у груди. Ее блестящие глаза смерили его гневным взглядом. – Не ожидала от вас такого, профессор.

– Как же вы оба заблуждаетесь! – не слушая, воскликнул профессор почти с сожалением и вознес руки к потолку. – Несчастные дети!

Его сокрушенный возглас остановил Тури у двери.

– Я вас не понимаю, – откинув голову, сказала она.

– Никто никогда в этой империи не даст ни гроша за это изобретение, Тури! – разделяя слова и усиливая их по мере произношения, сказал он.

Она вдруг изменилась в лице.

– Почему?

– Глупенькая! Все, что производится на подконтрольных империи территориях, в том числе в лабораториях и научных центрах, принадлежит империи! И ты, и я, и Руа – все, даже мой бесполезный слуга! – собственность империи. Зачем клановцам покупать то, что и так принадлежит им? Максимум, чего вы сможете добиться в качестве поощрения – это прибавка к жалованию или квартирка в соседнем, но не намного лучшем районе. Но... как вы были до этого рабами, так рабами и останетесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.